

Григорий Шепелев

Три креста

роман

18+

Григорий Александрович Шепелев

Три креста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30814649

SelfPub; 2024

Аннотация

В руках главной героини Риты Дроздовой оказывается диктофонная запись, которая послужила причиной двух очень странных самоубийств и внезапной смерти старого переводчика. Что за голос звучит на записи – Рита догадывается сразу, но для того, чтоб понять, о чём идёт речь, требуется несколько дней. Голос говорит, что главной реликвией христиан Священным Граалем владеет некий Крылатый Странник в вечной ночи. Кто такой этот Крылатый Странник? Как его разыскать? Внезапно поняв, кто он, Рита испытывает ни с чем не сравнимое потрясение...

Григорий Шепелев

Три креста

Пафосный пролог

– Во веки веков будь проклят! Если Господь лишил тебя совести и рассудка – пусть исполняет любое твое желание, дабы каждый миг твоей вечности был наполнен волчьей тоской – столь же беспросветной, как эта ночь, и столь же свирепой, как этот стонущий океан! Провались в Пасть Дьявола!

Часть первая

Глава первая

Как правильно пролезать в мусоропровод

В Страстную пятницу, как нередко это бывает, моросил дождь. Уже напоздали сумерки, когда к дому номер двадцать один по Матвеевской подошла от транспортной остановки странная молодая женщина. Станным было в ней поведение. С трудом выйдя из переполненного автобуса, она долго стояла, глядя по сторонам, а когда к остановке на противоположной стороне улицы подошел троллейбус – ринулась с большим риском через дорогу, но с середины её вернулась и, покурив, с безгливой решительностью направилась во двор

дома. У неё были белые волосы выше плеч, чуть вздёрнутый носик, въедливые глаза, очень выразительный рот и стройные ноги, обтянутые колготками. Поглядев на них, двое алкашей на скамеечке перестали жаловаться друг другу на своих жён и, кажется, вовсе о них забыли. Потом один просипел, выплюнув окурочок:

– Натягивает же кто-то такую!

– А каблучки-то какие тонкие! – прохрипел другой. И оба решили, что нужно выпить ещё.

На детской площадке десятка два сорванцов обоего пола нешуточно фехтовали палками, молотя друг друга по курткам. Визг разлетался на весь квартал. Блондинка остановилась, пытаясь определить, кто с кем бьётся – гвардейцы с мушкетёрами или витязи с рыцарями. Но выяснилось, что ситхи с джедаями. Это несколько разочаровало блондинку. Она продолжила путь к подъезду, нужному ей. Под узеньким козырьком курили две дамы, примерно равные ей по возрасту – тёмненькая и рыженькая. Когда обладательница роскошных ног робко обратилась к ним с просьбой назвать ей код, обе разом крикнули:

– Кочерыжка! Ты что, нас не узнаёшь?

– Узнаю, конечно, – пробормотала блондинка, вся покраснев от стыда за свою забывчивость. А потом ей стало ещё более неловко – за свою ложь. Курильщицы это поняли, и обеих разобрал смех. От них пахло водкой.

– Пятнадцать лет мы тебя не видели! – завизжала тёмнень-

кая, отщёлкивая окурки. Крепко обняв и расцеловав блондинку, она сказала ей своё имя. Рыженькая немедленно повторила все её действия. Вот тогда блондинка вправду узнала обеих. Ей также сделалось очень весело. Поинтересовавшись у подруг детства, как у них жизнь, она с радостным вниманием выслушала рассказ о мужьях, работе, соседях, детях. Про свои собственные дела не стала рассказывать, потому что и не спросили. Вопрос был только один:

– Ты, значит, решила маму поздравить? Вспомнила?

– Ну а как же! Всё-таки юбилей! Пятьдесят пять лет. Она дома празднует?

– Разумеется, как обычно! Мы от неё спустились курить.

Пошли!

И они втроём поднялись на пятый этаж.

Каждый юбилей Алевтины Дмитриевны Капустиной, которая вот уже двадцать лет возглавляла лучшую школу района Кунцево, признавался сотнями самых разных людей едва ли не основным событием года. Это всё были её друзья, соседи, коллеги, ученики с их родителями, чиновники. Юбилярше дарили белые розы. Целая комната не могла вместить все букеты, однако стол, точнее сказать – столы, всегда накрывались только на пятьдесят человек. Все всё понимали – квартира ведь не резиновая! Арендовать ресторан, даже самый скромный, было заслуженной учительнице России не по карману, о чём она всякий раз объявляла с гордостью, замечательно гармонировавшей с её высокой причёской.

Четыре длинных стола сдвигались попарно, два в большой комнате, два – в просторной прихожей. Последняя примыкала к комнате таким образом, что две группы гостей не чувствовали себя разделёнными и могли общаться, как за одним столом. Алевтина Дмитриевна устраивалась обычно в прихожей, чтобы встречать опаздывающих гостей. Таковых, впрочем, было немного – любой охотнее опоздал бы на самолёт, нежели к директору знаменитой кунцевской школы.

Блондинка вошла одна. Тёмненькой и рыженькой вновь приспичило покурить, и они остались у лифта. С их стороны это было свинством, так как в квартире под осторожный звон вилок и ножей о тарелки звучала речь префекта западного административного округа. Он стоял с бокалом шампанского и вещал. Алевтина Дмитриевна его внимательно слушала, негодуя на тех, у кого хватало бесстыдства продолжать жрать в такую минуту.

– Нижайший вам, Алевтина Дмитриевна, поклон за то, как вы воспитали наших детей и внуков, – выжимал слёзы из её глаз префект, плавно дирижируя пенящимся бокалом. – Мы можем с полной категоричностью заявить: багаж нравственных устоев и знаний, который вы заложили в них своим небывалым педагогическим мастерством и сердечной чуткостью, соответствует тем глобальным задачам, которые ставят перед российским народом время и президент! Да, да – президент, поднявший нашу страну с колен, вернувший нам право с гордостью относиться к своей истории и смотреть

вперёд даже не с надеждой, а с убеждённо­стью в том, что место России в мире будет очень устойчивым, очень твёрдым и очень...

– Длинным, – не удержался кто-то, имея в виду, конечно, ста­бильность и дол­госрочность, что же ещё? Но пять-шесть смешков всё же раздалось, а в глазах виновницы торжества блеснула сквозь слёзы сталь, как на педсовете. Эти глаза су­рово прошлись по лицам собравшихся, и те вновь сделались серьёзными.

– Вечным, я бы сказал, – вы­рулил префект из грязи и пош­лости в свою твёрдую колею, которая, разумеется, не имела с пошлостью абсолютно ничего общего. Нужно было про­должить. И он продолжил, переходя уже непосредственно к личным качествам юбилярши. Эта сторона тоста, как пока­залось оратору, вызвала преогромный интерес публики, так как звон вилок и ножей о тарелочки разом смолк. Чинов­ник продолжал речь в полной тишине. Как же изменилось его лицо, когда он, решив поглядеть на слушателей, заме­тил, что все они почему-то смотрят не на него, а на длин­ноногую тоненькую блондинку, застывшую на пороге! Эта блондинка глядела на директрису школы – да так, что многие дамы, сидевшие за столом, немедленно прослезились. Од­нако, у Алевтины Дмитриевны слёзы, наоборот, моменталь­но высохли. Она очень хорошо знала эту блондинку. Види­мо, её знало и большинство гостей, чем и объяснялась их неподвижность. Но всё же вряд ли кто-нибудь ожидал то-

го, что произошло дальше. Когда оратор умолк, не закончив мысль, Алевтина Дмитриевна ударила кулаком по краю стола и властно сказала:

– Вон! Сию же минуту! Покинь мой дом и навеки забудь о том, что я существую! Выйди! Незамедлительно!

– Мамочка! – со слезами выкрикнула блондинка. – За что ты гонишь меня? Ведь мне от тебя ничего не нужно, просто поздравить пришла! Смотри, вот подарок – айфон последней модификации!

И блондинка смело пошла вперёд, действительно вынимая из бокового кармана куртки айфон последней модели. Но неумолимая мать встала ей навстречу без всяких признаков потепления.

– Повторяю – вон, проститутка! – прогрохотала она, чувствуя в себе под пятью десятками взглядов сходство с Петром Великим, который пожертвовал своим сыном ради России. – Провались в ад со своим подарком! Воровка! Шлюха!

Тут уж блондинка оторопела. Её глаза вдруг стали похожими на глаза Алевтины Дмитриевны.

– Что? В ад? – пискнула она, включая в айфоне функцию диктофона. – Родную дочь посылаешь в ад? А ну, повтори-ка, что ты сказала, мамочка!

– Ах ты, грязная наркоманка! – ещё сильнее взвинтила в себе высокую жертвенность директриса элитной школы. – Я не бросаю слова на ветер! Не смей совать мне ворованное! Не смей!

С этими словами она дала дочери пощёчину, до крови задев нос, и, вырвав айфон из её руки, ринулась на лестничную площадку. Айфон при этом она держала в вытянутой руке, взяв его ногтями, как будто это была тухлая селёдка. С рёвом размазав по лицу кровь, блондинка помчалась следом за директрисой. Но, несмотря на своё проворство, спасти айфон она не успела. Тот уж летел в мусоропровод. С грохотом ударив крышкою по трубе и оттолкнув дочь, Алевтина Дмитриевна вернулась к своим гостям, которые были не столько удивлены, сколько перепуганы. Дверь она за собой захлопнула и на два замка заперла.

Две подружки детства, курившие возле лифта, стали оттащить Кочерыжку от этой двери, с которой та начала отдиравать обивку.

– Да не бесись! – проорала тёмненькая, заламывая ей руку. – Она полицию вызовет, и тебя посадят за хулиганство! Буйством тут не поможешь, и оснований для него нету. Айфон твой можно достать!

Услышав четыре последних слова, ревущая Кочерыжка вмиг успокоилась и спросила, что они означают. Тёмненькая и рыженькая платочками хорошенько протёрли её лицо, потом дали закурить и растолковали, что где-то посередине между четвертым и пятым в трубе мусоропровода образовался засор.

– Айфон туда и упал, – заверила рыженькая, – я слышала!
– Твою мать, и что? – вновь распахивалось отвергнутое

дителя. – Извлечь-то мне его как? Разве я пролезу в эту трубу?

– Конечно, пролезешь! Ты очень худенькая. Оксанка Фролова в неё пролазила, когда муж нечаянно выбросил её паспорт. А она толще тебя раз в пять!

– Раза в полтора, – уточнила тёмненькая. – Сейчас. Тогда-то она была похудее и пролезала голая. Куртку снимешь – пролезешь. Но только поторопись. Кирюха с десятого этажа обещал две гири швырнуть в мусоропровод, чтоб они пробили засор. Пока ещё не швырнул. Наверное, стакан высосал и улёгся. Но берегись – он может вскочить в любую минуту!

– Ладно, – всхлипнула Кочерыжка, расстегнув куртку. – Если я там навеки застряну или башку себе расшибу, считайте меня буддисткой!

Тёмненькая и рыженькая дали слово, что так и сделают. Скинув куртку, которую они взяли, блудная дочь сняла также туфли.

– Это ещё зачем? – удивилась рыженькая.

– Они очень дорогие! Если я там навеки застряну или башку расшибу, возьмите себе.

И, откинув крышку, жертва агрессии с тлеющей сигаретой во рту решительно встала маленькими ногами на острые металлические края. Они очень больно врезались в пятки. Вскрикнув, блондинка просунула в мусоропровод сперва одну ногу, затем другую. Они прошли хорошо, но попа застряла. Тёмненькая и рыженькая опять помогли – нажали на

плечи, и Кочерыжка благополучно скользнула вниз. Её ноги скоро уткнулись во что-то мягкое. Это мягкое зашуршало. Это был мусор, который плотно застрял в трубе. Решив, что пока всё складывается довольно удачным образом, Кочерыжка выплюнула окурок. Потом она согнула ноги в коленях, насколько это было возможно, и стала шарить руками в мусоре. Проклятуший айфон был вскоре нащупан.

– Ну что, нашла? – поинтересовались сверху.

– Нашла, – откликнулась Кочерыжка, стряхивая с руки яичную скорлупу. Пропихнув айфон, который всё продолжал записывать звуки, в кармашек юбки, подняла голову. – Как мне вылезти?

– Мы сейчас принесём какую-нибудь верёвку!

Этот ответ настроил блондинку на долгое ожидание. Но оно оказалось не слишком долгим. Через минуту сверху донёсся грохот. Он нарастал. Приближалась гиря – судя по силе грохота, двухпудовая. Кочерыжка, ойкнув, вдавилась спиной в трубу. Руками она заслонила голову. Ей чудовищно повезло – чугунная смерть просвистела прямо перед её побелевшим носом. Но большой палец правой ноги получил удар. Он пришёлся вскользь по уголку ногтя, и палец выдержал, хоть его пронзила острая боль. А мусор стремительно пополз вниз. Вместе с Кочерыжкой. Та, завизжав, попыталась как-нибудь уцепиться за что-нибудь. Под руками, к счастью, ничего не было, кроме гладкой стенки трубы мусоропровода. Почему к счастью? Да потому, что следом уже лете-

ла другая гиря. Между вторым и первым она смогла догнать Кочерыжку, но из-за малой разницы в скорости от удара по голове проклятая дочь всего лишь лишилась чувств.

Глава вторая

Баян, гитара и Прялкина

Виктор Васильевич Гамаюнов отметил Пасху, что называется, зажигательно. Очень весело было всему двору и трём-четырёх соседним дворам, а очень невесело – старшей дочке, Наташеньке, и жене, Елене Антоновне. Гамаюнов шлялся по этим самым дворам с баяном, играл и пел, а жена и дочка путались у него под ногами, прося вернуться домой, пока он не влип в какую-нибудь историю. Зря боялись – в своём районе Виктор Васильевич никуда не мог влипнуть. Здесь его знали все, да ещё как знали! В этой связи ему не составило никакого особенного труда ускользнуть от двух глупых баб, сев в чью-то машину, которая его увезла куда-то, а вечером привезла домой, слегка протрезвевшего и заляпанного помадой.

– А где баян? – холодно спросила жена, последней детали не углядев, поскольку младшая дочка, Дуня, перехватив папу во дворе, тщательно протёрла его лицо влажными салфетками. – Пропил, что ли? Какое счастье!

– И не единственное, – ответил Виктор Васильевич, распуская галстук в прихожей. – В окошко-то погляди! Тебе там

внуточка заделывают на лавочке.

У Елены Антоновны вырвался вздох презрения к мужу, однако в кухонное окно, серое от сумерек, она всё же бросила взгляд. Во дворе не было проходу от детворы, но, как оказалось, Виктор Васильевич не особо преувеличил. Дуня на лавочке отбивалась сразу от двух парней, которые очень смело совали руки куда не следует. И при этом она не злилась – наоборот, хохотала. Рядом стояла Женька – очень красивая девочка из соседней квартиры, Дунина сверстница. У неё в руке была банка пива. Женька давала парням советы, при этом так двигая руками и пальцами, что в её компетентности сомневаться не приходилось. Видя встревоженное лицо супруги, Виктор Васильевич заявил, что будет отлично, если их младшая дочь лишится сокровища под присмотром всего двора – тогда, может быть, хоть это у неё выйдет не подебильному.

– Идиот ты, папочка! – прокричала старшая дочь из комнаты, где она готовилась к сессии. – Как тебя с таким помешанным языком на работе терпят? Не понимаю!

– Но я ведь не в детском саду работаю, моя радость, – объяснил папочка и стремительно пошёл спать, дабы избежать рассказов жены о том, как она четыре часа подряд пила корвалол и звонила в морги. Он точно знал, что если она и звонила кому-нибудь, то своей знакомой гадалке, чтоб та раскинула карты, не отрываясь от телефона, и страшным голосом сообщила, что муж Елены – у смертоносной пиковой дамы,

которую обезвредить может только она, гадалка, но не бесплатно, так как борьба будет тяжела и всю её истощит. Елена Антоновна была детским врачом, любила читать «Науку и Жизнь», поэтому таких фокусов Гамаюнов никак не мог ей простить. Ему не спалось. Он слышал, как пришла Дуня. Пока Елена Антоновна была в ванной, Дуня пожаловалась сестре на гадину-Женьку, которая поманила двух её кавалеров на дискотеку, и те пошли как бараны.

– А ты чего не пошла? – спросила Наташа.

– Мне завтра рано вставать! Женька, разумеется, на учёбу может забить – она всё равно проституткой станет. А я хочу быть юристом.

– Дунька! Вопросов нет – с такой рожей быть проституткой тебе не светит. Но для того, чтобы быть юристом, нужны мозги!

Дунька разобиделась. Да, она не была красива как Женька или её старшая сестра Ирка, и не была очень привлекательна, как Наташа, но симпатяшкой её с натяжкой всё-таки можно было назвать. Спасали её роскошные волосы и большие глаза. Они хорошо смотрелись на круглом личике. Виктора Васильевича змеиный выпад Наташи также расстроил. Он очень долго ворочался и уснул с испорченным настроением.

В шесть утра он был на ногах – почти без головной боли, но с дрожью рук. Елена Антоновна уже выгладила ему рубашку и галстук. Она слегка торопилась. Дочери спали. Вы-

полнив водные процедуры, Виктор Васильевич очень быстро оделся, ещё быстрее позавтракал и, ни словом не обменявшись с женой, спустился во двор. Над городом поднималось сказочное апрельское солнце. Двадцатилетняя «Нива», с которой Виктор Васильевич даже не помышлял расставаться, что удивляло всех, со скрежетом завелась и затарахтела.

По улице Молдагуловой транспорт шёл уже плотно, как и по Вешняковской. Путь до Новогиреево, при свободном трафике занимавший ровно десять минут, потребовал двадцати. У самой больницы «Ниву» остановил инспектор ГАИ с погонами лейтенанта.

– Вы хорошо себя чувствуете? – сурово осведомился он, приглядываясь к лицу Виктора Васильевича.

– Отлично, – произнёс тот, вручив лейтенанту вслед за водительскими правами свою визитку. – В том, что касается самочувствия, мне вполне можно доверять. Если сомневаетесь – подойдите к полковнику Воронкову. Я в сентябре его оперировал.

Вся суровость мигом сползла с лица лейтенанта. Вернув права, он спросил:

– Так вы прямо здесь, вот в этой семидесятой больнице, и оперируете?

– Не только, – ответил Виктор Васильевич и, продолжив движение, повернул к шлагбауму КПП. Охранник поднял шлагбаум, и «Нива» проследовала к стоянке перед хирургическим корпусом. Было четверть восьмого.

Выйдя из лифта, Виктор Васильевич обнаружил на этаже, ещё не наполненном утренней суетой, какую-то женщину средних лет, стоявшую у окна в конце коридора. Это была посторонняя. Когда он приблизился к двери своего кабинета и стал её отпирать, женщина к нему подошла.

– Вы заведующий отделением?

– Да, он самый. Что вы хотите?

– Я хочу знать, почему мой муж лежит в коридоре.

Он посмотрел на неё внимательно. У него был опытный глаз.

– Наверное, потому, что свободных коек в палатах нет. Меня, впрочем, два дня здесь не было, но иных вариантов ответа на ваш вопрос попросту не может существовать.

– Вы знаете, кто мой муж?

Гамаюнов понял, что не ошибся в своей оценке. Выдернув ключ из замка, он с прежней любезностью дал ответ:

– Не имею чести. Зато я знаю, кто вы.

Дама удивилась.

– И кто же я, интересно?

– На улице я сказал бы вам, что вы дура. Здесь, разумеется, я сказать вам этого не могу. Но вы меня поняли, я надеюсь.

У женщины приоткрылся рот. Но не для скандала. Впервые в жизни почувствовав бесполезность повышать голос, она недолго подумала и с оттенком вопроса произнесла:

– Тогда пойду к главному!

– Лучше сразу к Господу Богу, – пожал плечами Виктор Васильевич, проходя к себе в кабинет. – Главный врач никак не поможет вам освободить койку в палате. Всего хорошего.

Прикрыв дверь, заведующий снял куртку, надел халат, взял гитару, стоявшую у стены, и, сев на диван, заиграл элегию. Телефон на столе звонил. Но Виктор Васильевич не брал трубку. До половины восьмого он имел право на это. Через пятнадцать минут он встал, отложив гитару, выглянул в коридор, где уже сновали медсёстры и санитарки, и перешёл в ординаторскую. Там весело пили кофе врачи: жгучая брюнетка Лариса, блондинка Прялкина – её все называли лишь по фамилии, сорокадвухлетняя терапевт Ирина Евгеньевна и ещё два хирурга, Дмитрий Вадимович и Александр Петрович. Когда заведующий вошел со словами «Доброе утро!», ему ответили выразительно – кто с сочувствием, кто с иронией.

– Кофейку? – мяукнула отдежурившая Лариса, пододвигая к себе один из чистых бокалов. – Или...

– Как, у нас опять завелись клопы в жидком виде? – с пафосной строгостью перебил Гамаюнов, садясь за стол. – Срочно уничтожить! Кстати, вы в курсе, что на пасхальной неделе каждый день – праздник?

– Нет, коньяку мы вам не нальём, – усмехнулась Прялкина, закурив английскую сигарету. – Тогда нам нечего будет ставить на стол сегодня.

Виктор Васильевич бросил тревожный взгляд на Ирину

Евгеньевну, у которой были очень хорошие отношения с административным корпусом. Терапевт кивнула.

– Да, Витя, да. Комиссия.

– Департамент?

– Если бы департамент, – проворчал толстый, лысый Дмитрий Вадимович. Медленно обведя коллег раздражённым взглядом, он повторил: – Если бы! Абсолютно ясно, под кого роют.

Виктор Васильевич поиграл желваками. Потом взглянул на часы и встал.

– Ну, ладно, пойдёмте.

Все поднялись, кроме терапевта. Ей на пятиминутку было не нужно. Она осталась, а пять хирургов отправились в административный корпус.

– Развеселить вас? – спросила Прялкина в лифте.

– Развесели, – вяло согласился Виктор Васильевич.

– Вы смотрели новости в выходные?

– Да, пару раз. А что?

– Видели про девку, которая провалилась в мусорную трубу и пять этажей пролетела?

– Видел.

– Я эту девку прооперировала в субботу.

Хорошо зная Прялкину, для которой все триста шестьдесят пять дней года были первым апреля, Виктор Васильевич поглядел на коллег. Те ему кивнули – да, мол, не врёт.

– Она себе задницу пропорола каким-то острым предме-

том, когда упала в подвальный мусорный бак, – продолжала Прялкина. – Так, слегка. Невролог её ещё не смотрел по поводу сотрясения, но я думаю, что таким мозгам изначально ничто не могло повредить ни в малейшей степени.

– Да, через недельку можно будет снять швы и выписать, – согласилась Лариса, которая выполняла послеоперационную перевязку. – Под ногтем большого пальца правой ноги гематома сильная, но всё цело. Кстати, у неё – три креста. Я ей говорю: «Дура! У тебя сифилис!» Она ржёт, как будто смешно!

Лифт остановился. Когда уже шли по улице, под лучами яркого солнца, Виктор Васильевич недовольно спросил:

– А какого дьявола её к нам привезли из Кунцева?

– А её мамаша, какая-то там чиновница, выразила желание, чтоб её лечили у нас, – объяснила Прялкина. – Я бы эту мамашу разорвала! Мало нам комиссии, журналистов здесь ещё не хватало!

– Ну, это вряд ли, – махнул свободной рукой Петрович, чиркая зажигалкой под сигаретой без фильтра. – Подумаешь, проститутка по пьяной лавочке провалилась в мусоропровод! Это не такое событие, о котором можно судачить дольше одного дня.

Прялкина сказала, что хорошо бы, ежели так. После конференции, на которой зам главного врача по хирургии затронул ряд организационных вопросов, Виктор Васильевич пообщался с коллегами из других отделений и заглянул в при-

ёмный покой, к заведующей, которую звали Ольга Сергеевна. Их связывала давнишняя дружба. За чашкой кофе Ольга Сергеевна в ответ на вопрос приятеля сообщила, что Вера Игоревна Капустина была определена на экстренное лечение в Спасо-Перовский госпиталь – так звучало официальное название семидесятой больницы, по настоянию матери, директрисы элитной школы. Услышав это, Виктор Васильевич скорбно выдохнул:

– Чтоб она провалилась, эта мучительница детей! Прялкина права, теперь нахлебаемся.

Глотнув кофе, он так поморщился, что во взгляде Ольги Сергеевны появилась тревога.

– Что с тобой, Витя? Сердце опять кольнуло?

– Немножко, – пробормотал Гамаюнов, медленно ставя чашку. Ольга Сергеевна, покачав головой, заметила, что давно пора ему сделать эхолокацию и что это – мнение кардиологов, замечающих, что его одышка день ото дня становится тяжелее. Виктор Васильевич согласился. Пообещал, что сделает. Посмотрев на часы, спросил:

– И сколько ей лет, этой сумасшедшей девке? Пятнадцать?

– Тридцать четыре. Она с семьдесят восьмого.

– И у неё действительно сифилис?

– Три креста, – кивнула Ольга Сергеевна. – И она ещё утверждала, что гепатит у неё. Но выяснилось, что нет.

– А кто вызвал Скорую?

– Витенька, так об этом ведь в новостях говорили! Её подружки, которые помогли ей спуститься в мусоропровод за этим айфоном.

Тут постучали в дверь. Вошла медсестра. Она принесла заведующей какие-то документы на подпись. Виктор Васильевич, которому уже нужно было спешить в своё отделение, на обход, поблагодарил приятельницу и вышел.

Глава третья

Голос

Очень красивая, хоть и с наглым лицом блондинка ростом под метр восемьдесят, производившая операцию, Кочерыжке весьма понравилась. А тихоня-брюнетка, осуществлявшая в воскресенье первую перевязку, вызвала отвращение. Ничего удивительного в том не было: под наркозом-то замечательно, а когда у тебя из задницы выволакивают без всякой анестезии целую простыню, присохшую к ране – очень жалеешь, что дожила до этой минуты! Но Кочерыжка ни разу даже не пикнула и ни разу не шелохнулась, стоя на четвереньках – только закатывала глаза и кусала палец. Из перевязочной до кровати она тащилась без посторонней помощи, наступая правой ногой на пятку. За неимением мест в палатах её пристроили в коридоре, возле окна. Ей на это было плевать – она половину жизни спала на лавках и стульях, сдвинутых в ряд. Медсёстры порой выбешивали её – и нагло-

стью, и расспросами, как она очутилась в мусоропроводе. Но приходилось на всякий случай быть вежливой – чёрт их знает, на что способны! Одна из них, которую звали Машенька, в благодарность за вежливость зарядила её мобильник и распроклятый айфон – тот самый, из-за которого оказалась бедная Кочерыжка в этой больнице. Принимать пищу ей запретили до понедельника, чтоб кишечник не вырабатывал ничего. Это её не сильно расстроило, потому что и аппетита не было, и кормили, судя по запахам, здесь прескверно. Она пила много кофе с большим количеством сахара. Ни того ни другого буфетчицы для неё не жалели, поскольку были очень признательны ей за то, что она отказывалась от каш и котлет. Остатки супов они выливали, так как утаскивать их домой не имело смысла – от этой жидкости воротило даже бродячих кошек.

Ночь с воскресенья на понедельник была кошмарной. В палате справа от Кочерыжки кто-то стонал, и она сама стискивала зубы, чтобы не заорать – послеоперационные боли были нешуточными. Дежурная медсестра два раза колола ей анальгин. Уснуть удалось лишь перед рассветом, тоскливо слившимся с едкой синью больничных ламп. Но через четыре часа, уже после завтрака, Кочерыжка была разбужена медсестрой в узеньких очочках. Рост у неё был маленький, голосок – писклявый, но строгий. В одной руке малявка держала пластиковое ведро, наполненное кровавыми, дурно пахнущими бинтами, а в другой – ножницы. Приказав Кочерыжке

лечь на живот и спустить трусы, она грубо выдрала из неё повязку и собралась улизнуть.

– А перевязать? – воскликнула Кочерыжка, натянув трусики.

– Перевязка после обхода, – отозвалась медсестра и улетпнула к мужским палатам.

Тут Кочерыжка заметила, что больничный коридор пуст, идеально вымыт и весь незримо наполнен торжественным ожиданием некоего события. Этим событием был лечебный еженедельный обход заведующим всех пациентов. Виктор Васильевич с целой свитой врачей ходил по палатам и, подвергая каждого больного осмотру, давал инструкции лечащему врачу относительно дальнейших шагов лечения. Заведующего сопровождали восемь хирургов и терапевт. Все эти подробности Кочерыжка узнала от медсестры – от той самой Машеньки, когда та опять колола ей анальгин, чтоб она не корчилась перед шефом.

– Ой! – поморщилась Кочерыжка, вздрогнув от боли. – Машка, я уже задолбалась жопу показывать!

– Понимаю, – хихикнула медсестра и, выдернув шприц, слиняла с огромной скоростью. Потекли минуты муторного, тревожного ожидания. И тревога каким-то непостижимым образом навевала сон. Это было странно. Вот уже слышатся шаги тех, от кого зависят тяжесть и продолжительность твоих послеоперационных мучений, а ты трясешь головой, чтобы не уснуть! Парадокс.

Когда белая толпа с серьёзными лицами подступила к лежавшей на животе Кочерыжке, та улыбнулась рослой блондинке, фамилию которой выведала у медсестёр (это была Прялкина), отвела глаза от Ларисы и, присмотревшись к солидному горбоносому человеку с пепельными висками, сообразила, что это и есть заведующий. Тот внимательно поглядел на её лицо. Раскрыв какую-то папку, тощий хирург с седыми усищами – это был Александр Петрович, громко прочёл:

– Больная Капустина Вера Игоревна, тридцать четыре года, разрывы стенки прямой кишки в результате травмы. Прооперирована в ночь с пятницы на субботу.

– На четвереньки встань, – произнесла Прялкина, обращаясь, естественно, к Кочерыжке. Та это сделала, снова оголив зад. Доктора по очереди в него заглянули, после чего заведующий спросил:

– Что с температурой?

– Вчера была тридцать семь и шесть, – сказал Александр Петрович, снова заглянув в карту. – Сегодня вам её мерили, Вера Игоревна?

– Нет, – ответила Кочерыжка, опять ложась на живот, – я крепко спала всё утро.

– И очень хорошо делали, – похвалил заведующий. – А как, вообще, ваше самочувствие?

Кочерыжка сказала, что ничего, жить можно. Разрешив ей сегодня уже поужинать, Гамаюнов подкорректировал до-

зу пенициллина, которую назначала Прялкина, и проследовал вместе со своей свитой в женское отделение, на пороге которого Кочерыжка расположилась. Та поспешила надеть трусы, ибо пациенты мужского пола, уже осмотренные, шли к лифту курить, всюю созерцая то, что она только докторам и медсёстрам могла показать бесплатно. Её саму курить не сильно тянуло, хотя она пристрастилась к этому делу со школьных лет. Буфетчица принесла ей кофе и рафинад. Очкастая медсестра пришла перевязывать, с грохотом волоча за собой тележку с бинтами, салфетками, инструментами и растворами. Кочерыжка вновь приняла соответствующую позу. Ловко накладывая повязку, мелкая неожиданно поинтересовалась:

– А ты совсем ничего не помнишь о том, что происходило с тобой в подвале?

– Нет, – с досадой ответила Кочерыжка, не выпуская сжатый зубами палец. – А почему ты спрашиваешь?

– Прялкина говорит, что ты под наркозом всё загонялась на тему ада. Ну, что ты, дескать, была в аду.

Кочерыжка вся преисполнилась изумлением.

– Что за бред? Она ничего не путает?

– Прялкина ничего никогда не путает. У неё такая особенность.

– Интересно! Что это со мной было?

Забыв про боль, Кочерыжка взяла айфон и включила запись, которая начиналась криком: «Не смей совать мне воро-

ванное! Не смей!» и громким шлепком пощёчины. Сложная перевязка продолжалась до той секунды, когда раздался грохот летящей гири, после чего и гиря, и мусор, и Кочерыжка низринулись по трубе в подвал. Но строгая медсестра, окончив свою работу, не удалилась. Она желала знать продолжение. Любопытство было её единственной слабостью.

Продолжение оказалось не очень долгим – аккумулятор айфона сел уже через три минуты после падения. Вслед за этим падением наступила странная тишина. Она походила на тишину больничного коридора перед обходом – ту самую тишину, нервозность которой десять минут назад противно впиалась в сознание Кочерыжки, что было неудивительно: сто больных напряжённо ждали, какой вердикт каждому из них вынесет хирург высшей категории, кандидат наук Гамаюнов Виктор Васильевич. Но подвальная тишина – точнее, лишь малая её часть, которую мог воспроизвести айфон, была несравнимо более страшной. От неё волосы шевелились на голове.

И вдруг её прервал голос. Хриплый, мужской, отрывистый. Он спокойно бросил несколько фраз. Потом запись кончилась.

– Это дворник! – бодро воскликнула Кочерыжка, глядя в глаза медсестры, которые стали шире очков. – Он пришёл в подвал, чтоб вытащить из него мусорный контейнер, и в нём увидел меня. Это удивило его, и он в связи с этим что-то сказал по-своему, по-таджикски.

– Не по-таджикски, – резко взялась медсестра за свою тележку. – Я знаю, как говорят таджики с киргизами. Ничего похожего.

– Значит, дворник – узбек.

Эта версия медсестре также показалась более чем сомнительной. Покатив лязгающую тележку к мужским палатам, она успела что-то сказать другой медсестре, которая шла делать Кочерыжке укол. Чтобы избежать ещё одного дурацкого разговора, последняя притворилась, что крепко спит. И вскоре она взаправду спала, хоть мимо неё сновали в большом количестве медработники и больные. Последние приставали к первым с какими-то тошнотворными требованиями, просьбами и вопросами.

Разбудила её в час дня всё та же писклявая медсестра. Тележки с ней уже не было. Зато был сутулый старик в больничном халате – жёлтый, взлохмаченный по вискам, а спереди лысый. Он был похож на сову. Его небольшие, заспанные глаза смотрели на Кочерыжку сосредоточенно.

– Лазарь Лазаревич, знаток древних языков из восьмой палаты, – с пренебрежительной торопливостью отрекомендовала этого странного персонажа стервозная медсестра. – Включи-ка нам, Верочка, эту запись!

– Лена, я не знаток древних языков, – заскромничал пациент, эпично картавя. – Мои познания ограничиваются шестью, причём два из них...

– Верка, включай быстрее, не то будет лекция, – перебила

Лена, – а у меня ещё полно дел!

Кочерыжка молча включила звуки, сопровождавшие её славный полёт. Прослушав краткий, отрывистый монолог в конце этой записи, Лазарь Лазаревич напрягся и попросил её повторить. Он явно был озадачен. Лена и Кочерыжка очень внимательно наблюдали за ним во время повтора записи. Было видно, что смысл произносимого ему ясен, так как в его заспанных глазах появился ужас. Но ничего объяснить старик не успел. Он вдруг покачнулся и рухнул навзничь, закатывая глаза. Лена в тот же миг бросилась к нему, криком призывая врачей, куривших у лифта. Но было поздно. Старик уже не дышал.

Глава четвертая

Танец грешницы и тревожные мысли праведниц

Внезапная смерть от сердечного приступа пациента, которому на четверг была назначена выписка, озаботила не столько Виктора Васильевича, сколько Ирину Евгеньевну, и по очень простой причине. Ведь заключение о состоянии сердца Лазаря Лазаревича давала она. И сердце его, согласно этому заключению, было очень даже здоровым. Назначить семидесятитрёхлетнему пациенту консультацию кардиолога терапевт обязательным не сочла, потому что он на сердце не жаловался, одышкой особенно не страдал, давление было в норме. И – на тебе! Примите, как говорится, подарочек, рас-

пишитесь. Неудивительно, что Ирина Евгеньевна начала, по меткому выражению Прялкиной, чесать репу. Вернувшись из административного корпуса в половине пятого, когда все дневные медсёстры и почти все врачи уже разошлись, она вдруг увидела в ординаторской то, что не ожидала увидеть, хотя такое происходило там, скажем прямо, нередко.

Виктор Васильевич, сидя боком к столу, играл на гитаре «Барыню». Прялкина танцевала, щёлкая пальцами и умело сбрасывая с себя предметы одежды. На ней уже были только зелёные форменные штаны и лифчик. Туфли, косоворотка и блузка были разбросаны на полу, очень далеко друг от друга.

– Виктор Васильевич, подтяни вторую струну! – визжала она, показывая высокое мастерство и в технике танца. – Я проституткой раньше была! На Тверской стояла! Ура!

– Да ею ты и осталась, ... твою мать! – с хохотом визжала Лариса. Она сидела на подлокотнике кресла, взмахивая ногами и отбивая ритмы ладонями. На диване сидела медсестра Лена, которая делала перевязки, и Александр Петрович. Он был сегодня дежурным. Ленка визжала без всяких слов, хлопая себя по коленкам, а Александр Петрович крутил усищи, глядя на тонкий стан, яркие глаза и белые кудри Прялкиной, которые развевались так, что по ординаторской гулял ветер. Это всё было бы ничего, кабы ни ещё один персонаж – коньяк. Почти пустая бутылка стояла прямо на середине стола, а вокруг неё стояли рюмашки. Вторая, уже совсем пустая бутылка, пряталась за широкой ножкой стола.

Когда терапевт вошла, никто не смутился. Прялкина, звонко хлопнув себя по бёдрам, предприняла попытку во-влечь Ирину Евгеньевну в грязный танец, однако та, решительно вырвав руку из её пальцев с короткими хирургическими ногтями, крикнула:

– Витька! Сашка! У вас мозги в каком месте? Это вы так комиссию ждёте, да?

– Так не будет ведь никакой комиссии, – отозвался Виктор Васильевич, моментально остановив игру, пронзительный визг окосевших баб и развратный танец одной из них. – Отменили! Перенесли! Как будто не знаешь! Пугать пришла? Мне нельзя пугаться, у меня сердце больное! Тебе коньячку налить?

Ирина Евгеньевна неопределённо поджала губы, обведя пьяниц разгневанными глазами и задержав их на Прялкиной. Та, сев в кресло рядом с Ларисой, вынула из кармана её халата пачку «Парламента» с зажигалкой и закурила, выпятив рот. Она была бесподобна. Тут зазвонил телефон, который стоял на столе около заведующего. Но принял звонок Александр Петрович.

– Да! – рявкнул он, вскочив и сняв трубку. – Какого лешего? Это в гнойную! Хорошо, сейчас подойду.

– Бомжа привезли? – встревожилась Лена, которая исполняла обязанности одной из операционных сестёр во время дежурств Петровича.

– Наркомана! Живот себе исколол, чтоб заглушить боль

от аппендицита. Видимо, там флегмона.

Взяв со стола свои сигареты, Петрович быстро ушёл. Ирина Евгеньевна сразу уселась на его место, очень довольная. Седоусый хирург всегда всё превращал в шутку, а ей сейчас было не до этого. Если бы улетучилась также Прялкина со своим развратным цинизмом, было бы вообще отлично. Но белокурая дылда даже не надевала туфли.

– Коньячку, Ирочка? – повторил своё предложение Гамаюнов. Поставив в угол гитару, он взял бутылку. Раскрыл коробку конфет, лежавшую на столе.

– Знаешь, чьи конфеты? Лазаря Лазаревича!

– Отстань, – в раздражении отмахнулась Ирочка. – Вам, я вижу, очень здесь весело!

– Нам не весело, – возразила Прялкина, – нам тревожно! Виктор Васильевич от большой тревоги за нашу Ирочку вытащил из стола коньяк, который ему на днях подарил директор «Ашана». Ты представляешь, Ирочка, сколько стоит этот коньяк? Он стоит недорого по сравнению с коньяками, которые пила я, когда танцевала гораздо лучше, но этот милый напиток...

– Прялкину понесло! – вмешалась Лариса. – Дайте ей в рыло, Виктор Васильевич! Если её не остановить, то Леночка снимет свои очки, которые ей совсем не идут, и сослепу угодит в огромные неприятности.

Прялкина заржала, изящно пуская дым к потолку, а Леночка громко выругала Ларису матом. Та рассмеялась. Ми-

лый напиток их уравнил. Но его остатки Виктор Васильевич выпил единолично, так как их было только на одну рюмку. Потом сказал:

– Ну вас к чёрту, бабы! Дело серьёзное, даже очень. Ленка, ты можешь объяснить внятно, за каким чёртом ты его потащила к этой Капустиной?

– Виктор Васильевич, вам коньяк пить нельзя! – заорала Ленка. – Я вам сто раз объясняла, что под наркозом эта девчонка рассказывала про ад – так складно и красочно, что у Прялкиной скальпель из рук вываливался! Так, Прялкина?

– Очень складно и очень красочно, – подтвердила Прялкина. – Только я и слушать не стала бы эту хрень, если бы она вдруг не назвала меня по фамилии – но не Прялкиной, а Ткачёвой! Эту фамилию я сменила ещё лет десять назад, а с этой Капустиной никогда прежде не встречалась. В субботу я спросила её: «Откуда ты знаешь мою прежнюю фамилию?» У неё глаза полезли на лоб: «Фамилию? Знаю? Я?» Короче, она наяву ни черта не знает, а во сне знает всё, и даже про ад. Должно быть, она меня там увидела через много лет, и я там была под старой фамилией. То есть, буду! Неудивительно – я под этой фамилией каждый день услаждалась всеми семью смертными грехами, кроме обжорства.

– Короче, всё друг с другом перемешалось, – вывела резюме Ирина Евгеньевна. – Подвал с адом, прошлое с будущим, проституция с хирургией, ром – с коньяком. Гремучая смесь! Надо сменить тему. Виктор Васильевич, так куда На-

таша с Дуняшей летом решили ехать – в Грецию или в Чехию?

Но идея переменить тему разговора не прокатила. Всем, включая и самого Виктора Васильевича, было глубоко наплевать, куда собираются его дочери – в Грецию, в Чехию или к чёрту на именины. Синие глаза Прялкиной хищно вспыхнули, как у кошки.

– При чём здесь ром? – холодно спросила она, погасив окурок.

– Ну, как – при чём, моя золотая? Разве конфеты, которыми вы закусывали коньяк, не с ромовым наполнением? Нет? С ликёрчиком?

– Прялкина ни одной конфеты не сожрала, – вступилась за Прялкину с большим жаром её подруга Лариса. – Две операционщицы лично мне подтвердили насчёт фамилии! Они собственными ушами всё это слышали. Допускаю другое: Прялкина лет пятнадцать назад могла быть знакома с этой Капустиной, но забыла её совсем, а та на каком-то очень глубоком уровне подсознания под наркозом Прялкину вспомнила!

– Невозможно! – категорически замотала головой Прялкина. – У меня такая память на голоса, лица и фамилии, что подобное просто исключено!

На лице Ларисы выразилось сомнение.

– Леночка, продолжай, – сказал Гамаюнов, ставя под стол пустую бутылку. Строгая медсестра вновь затараторила:

– Я, короче, спросила эту Капустину, не была ли она в аду. Она удивилась, и мне пришлось объяснить, почему я спрашиваю. Тогда она вдруг засомневалась, взяла айфон и включила запись...

– Запись? – подняла бровь Ирина Евгеньевна. – Что за запись?

– Когда она проваливалась в подвал, у неё в кармане лежал айфон, который записывал. Батарейка была уже на исходе, однако главное записалось. Это был голос, который что-то произносил в подвале – на ужасающем, странном и неизвестном мне языке. Капустина заявила, что это, возможно, дворник, однако я усомнилась и позвала Симоновича. Он, как только запись эту услышал, сразу скопытился! Представляете?

Лена обвела всех глазами. Тут телефон на столе опять зазвонил, и все разом вздрогнули. Заведующий взял трубку.

– Алло! Хорошо, Петрович. Я понял.

Положив трубку, он поглядел на Лену.

– Радость моя, через полчаса будь готова. Анестезиолог на этот раз не задержится.

– Ну так вот, – продолжила медсестра, поморщившись от досады, что перебили. – Он понял всё, что произносил этот голос. Понял, кому он принадлежит. И у него тут же произошёл инфаркт, хотя его сердце было вполне здоровым! Ведь так, Ирина Евгеньевна?

– У меня была мысль назначить ему электрокардиограм-

му, однако он отказался и настоял на скорейшей выписке, – осторожно ответила терапевт и быстро взглянула на Гамаюнова, потому что тот стукнул по столу пустой рюмкой. На самом деле, рюмка случайно выскользнула у него из пальцев, но это было всеми воспринято как требование внимания. Виктору Васильевичу сделалось неловко – вот, мол, все ждут от меня чего-то, а я молчу! И он резко встал со стула.

– Пойду я с ней пообщаюсь.

– Витя, ты пьян, – предостерегла Ирина Евгеньевна.

– Ну и что? Разве я сказал, что сяду за штурвал боинга?

Я всего лишь сказал, что хочу несколько минут пообщаться с дамой. Вы здесь пока соберитесь. Я развезу вас всех по домам.

И Ирочка, и Лариса, и даже Прялкина с утончённой решительностью отвергли эту любезность. Лены она никоим образом не касалась, ей предстояло целые сутки дежурить. Не глядя ни на кого, Гамаюнов вышел из ординаторской.

Глава пятая

Кочерыжка

Виктору Васильевичу для того, чтобы выглядеть пьяным, требовалось не меньше бутылки сорокаградусного напитка, а он не выпил и половины. Поэтому Кочерыжка, увидев перед собой заведующего, ничего такого не заподозрила. Да и не до того ей было. Она уже целый час занималась серьёзным

делом, а именно: попросив у двух медсестёр на посту бумагу и авторучку, русскими буквами переписывала слова с диктофонной записи на листок, имея намерение затем попытаться с помощью интернета выяснить, что они означают. Она уже зашла в интернет, когда возле её кушетки расположился, вытащив стул из-под постовой медсестры, заведующий.

– Как вы себя чувствуете? – усталым, но твёрдым голосом спросил он, взяв руку больной, чтобы посчитать пульс.

– Ничего, – повторила утренний свой ответ Кочерыжка, откладывая айфон. – Нога немножко болит, а так – ничего, жить можно.

Виктор Васильевич огляделся по сторонам. Длинный коридор, наполненный красным закатным светом, в котором серо маячили две фигуры гуляющих пациентов, вдруг показался ему чужим. И это произошло впервые за двадцать лет, которые он проработал в этой больнице. Всё здесь иногда было постылым и раздражающим, но чужим – ни разу. И понял Виктор Васильевич, что он смотрит на всё глазами тощей блондинки, которая перед ним лежит, укрытая простынёй. С чем их можно было сравнить? Пожалуй, с глазами измученного животного. Лишь сейчас он это заметил. Необходимо было задать ещё хотя бы один формальный вопрос. И Виктор Васильевич его задал, стараясь держать тон своего голоса в рамках бодрой официальности:

– Вера Игоревна, вы знаете результат вашего анализа на реакцию Вассермана?

– Конечно, знаю. Три плюсика. Плюс, плюс, плюс.

Её интонация была ровной, улыбка – вялой, с оттенком острого нетерпения.

– Вас лечили когда-нибудь от этой болезни?

– Нет, никогда.

– Вы только вчера про неё узнали?

– Конечно, нет. Я знаю о ней давно.

– Вы осознаёте свою опасность для окружающих?

На её лице опять мелькнула улыбка. Теперь она была мрачной.

– Виктор Васильевич, я не очень люблю людей, которые слишком много думают о чужом здоровье – и нравственном, и физическом. Я, конечно же, не о вас. Ведь вы этим занимаетесь лишь тогда, когда вас об этом просят.

– Тогда ответьте на мой вопрос.

– Конечно, осознаю. Как не осознать-то, если четыре часа назад по моей вине умер человек?

– По вашей вине?

– Ну конечно! Он ведь послушал запись, которую сделала я.

Мимо проходили больные. Дождавшись, когда они удалятся шагов на двадцать, Виктор Васильевич пригляделся к листу бумаги, который углом высовывался из-под подушки. На этот лист Кочерыжка выписала слова с диктофонной записи. Гамаюнов не знал об этом, но догадался.

– Верочка, а вы мне послушать её дадите?

– Оставить ваших детей сиротами? Ни за что!

– Но я не знаток древних языков.

– Я где-то сегодня слышала эту фразу. Если не ошибаюсь

– от старикашки, который умер.

Со стороны ординаторской зазвучал торопливый топот. Это бежала по коридору Лена. Мчалась она к операционной, где её ждали уже анестезиологи и Петрович.

– Ленка, до завтра! – крикнул ей вслед заведующий.

– Счастливо, Виктор Васильевич! Привет дочкам! Привет жене!

Кочерыжке вдруг почему-то сделалось весело. Не успела Ленка исчезнуть за поворотом, как показались Лариса, Прялкина и Ирина, сменившие униформу на сексапильные шмотки для плюс пятнадцати. Оживлённо болтая, они шли к лифту. Виктор Васильевич с ними также тепло простился. Сгущались сумерки. Две дежурные медсестры, включив в коридоре свет, направились к процедурному – наполнять шприцы для инъекций. Обе они с удивлением посмотрели на Гамаюнова, почему-то не торопившегося домой.

– Но вы-то намерены раскрыть тайну? – вновь обратился он к Кочерыжке, которая улыбалась.

– Да, я намерена, – был ответ, – у меня нет дочек.

– У вас есть мать.

– У меня нет матери. У меня есть только три крестика.

– Чёрт возьми! – вскричал Гамаюнов. – Да вы как будто этим гордитесь!

– Нет, не горжусь. Гордость ни при чём. Но они мне дороги. Понимаете?

Виктор Васильевич очень хорошо понял, но сделал вид, что эти слова прошли далеко от его сознания. Бросив взгляд на часы, он медленно встал со стула.

– Пожалуй, и мне пора. Желая вам доброй ночи, Верочка. Не забудьте померить температуру на ночь и утром. Завтра увидимся. До свидания.

– Как зовут ваших дочек? – спросила вдруг Кочерыжка, когда заведующий уже подходил к лифтовой площадке. Он повернулся.

– Старшую звать Наташа, младшую – Дуня.

– Сколько им лет?

– Старшей двадцать два, а младшей шестнадцать. Наташа учится в институте, а Дунька в школе.

Больше у Кочерыжки вопросов не было, и заведующий ушёл. За окном стемнело. После уколов, которых сделали сразу три, Кочерыжка билась над расшифровкой записи. После ужина, состоявшего из картошки с селёдкой, эта работа была окончена. Отложив айфон, Кочерыжка доковыляла до медсестёр и осведомилась, не видели ли они у кого-нибудь из больных Нового Завета. Ей принесли всю Библию целиком. Она её час читала, потом ещё полтора часа была в интернете. В десять часов отправилась в ванную, взяв с собой больничное полотенце.

От потолка по стене, выложенной кафелем, полз паук. Он

двигался прямо к полу. Заперев дверь, Кочерыжка вставила в ванну пробку, пустила под максимальным напором тёплую воду и стала ждать, сидя на скамеечке. У неё в глазах было пусто. Как только ванна наполнилась, Кочерыжка быстро разделась, влезла в неё и полностью погрузилась, поджав колени. Свет, отделённый от её глаз водой, стал белым, расплывчатым и подвижным. Не закрывая глаз, Кочерыжка носом и ртом потянула воду. Вода наполнила лёгкие. Когда через полтора часа выломали дверь, блондинка по имени Вера Игоревна Капустина и по прозвищу Кочерыжка была уже полтора часа как мертва.

Глава шестая

Вампириша и упырихи

Комиссия от Минздрава явилась на другой день – вскоре после следователей, которые заглянули в ванную комнату, пять минут пообщались с Прялкиной и ушли, решительно отказавшись от манной каши, кофе и запеканки с творогом.

Состояла комиссия из довольно свирепой пары чиновниц весьма высокого ранга. Об их прибытии главный врач сообщил за сорок минут. Случайно услышав взволнованный разговор уборщиц на эту тему, один больной, которому был прописан строгий постельный режим, что всех осчастливило, кроме его соседей, радостно простонал:

– Слава Николаю-угоднику и Святому Архангелу Миха-

илу! Есть справедливость на свете, есть! Вот я сообщу комиссии, как больных здесь шикарно кормят и эффективно лечат!

– Танюша, этого мудака вези на рентген, – приказала Прялкина медсестре, – и пусть он там пообедает. На рентген сегодня длинные очереди, я знаю!

Так, несмотря на своё героическое сопротивление, мужественный борец за права больных был перемещён с койки на каталку и увезён на первый этаж, где пробыл почти до самого вечера. А шестой этаж вскоре засиял чистотой и лоском – уборщицы сбились с ног, но в срок уложились. Встретил комиссию Алексей Борисович – шестидесятидвухлетний хирург, который всегда замещал Виктора Васильевича во время его больничных и отпусков. Белая бородка и роговые очки старого врача внушали к нему доверие. Но чиновницы, обойдя палаты, буфет, процедурные, операционные, внутривенку и перевязочную, решительно обратились к нему с вопросом, где Гамаюнов.

– Он у себя, – спокойно сказал Алексей Борисович. – Занят делом, не терпящим отлагательства.

Прялкина и Лариса, стоявшие за спиной старика, как телохранители, и Ирина Евгеньевна, суетившаяся то справа то слева, наперебой объяснили, что Гамаюнов говорит с матерью пациентки, которая накануне вечером умерла.

– А! Это та самая, что утопла? – сузила глаз одна из чиновниц.

– Да, она самая.

– А позвольте полюбопытствовать, как такое могло случиться?

– Третья стадия сифилиса, – пожала плечами Прялкина. – До вчерашнего дня она ничего не знала. Естественно, эта новость повергла её в отчаяние.

– Вам ни разу не приходилось слышать о том, что замок в двери ванной комнаты – это грубое нарушение? – впилась взглядом в линзы очков старого врача другая чиновница. – Может, вы ещё и в двери палат врежете замки?

– Да я ни врезкой замков, ни демонтажом их, ни отбиранием у больных мыла и верёвок не занимаюсь, – холодно возразил Алексей Борисович. – Кипятильник могу изъять, а вот не позволить женщине запереться в ванной – это за гранью моих понятий об этике. Кстати, там замок был такой, что его взломала своей тонюсенькой ручкой хрупкая дама!

И Алексей Борисович указал на Прялкину, возвышавшуюся над ним на семь сантиметров и никаких замков, естественно, не ломавшую. Вытворил он это без злого умысла, но с желанием сложную ситуацию свести к шутке. Шутка не удалась. Поглядев на Прялкину снизу вверх, чиновницы взбеленились ещё сильнее и агрессивно выразили желание пообщаться с заведующим.

– Он занят, – мягко произнесла Ирина Евгеньевна. – Мы вас очень просим – пожалуйста, не мешайте ему сейчас!

– Мы как раз затем и пришли, чтобы вам мешать зани-

маться тем, чем вы занимаетесь на работе кроме работы, – шли напролом чиновницы. – Это вы извольте нам не мешать исполнять наши непосредственные обязанности! Где зав отделением?

– Проводи, – вздохнул Алексей Борисович, поглядев на Прялкину. Та немедленно проводила. Её коллеги, тем временем, присоединились к другим врачам, которые в ординаторской пили чай с новой лаборанткой. Она была молода и очаровательна.

Постовые медсёстры сидели, как умные, на постах и что-то писали. Больные также притихли в своих палатах. Они очень уважали Виктора Васильевича и думали лишь о том, как ему в такую ответственную минуту не навредить нечаянным шорохом или словом. Чиновницы, впрочем, не задавали им никаких вопросов, когда входили в палаты. Их интересовала чистота пола и полотенец.

Новую лаборантку звали Оксана. Ей дали самый лучший бокал, сперва его чисто вымыв. Она держала его с необыкновенным изяществом, подгибая пальчики, и с такой же трогательной манерностью отвечала на подковыристые вопросы Александра Петровича, Дмитрия Вадимовича и Сергея Сергеевича. Все трое очень старались, но у Оксаны никак всё не выходила из головы молодая женщина, у которой она брала утром в воскресенье кровь для анализа и которая в понедельник вечером утонула. Юная лаборантка была ещё впечатлительна. «Как могло такое произойти? – думала она,

с трудом заставляя себя поддерживать разговор. – Ведь она смеялась тогда! Я смеюсь сейчас. Ужасно, ужасно!» Устав смеяться, она взяла да спросила у трёх врачей, как могло такое произойти.

– Укус вампириши смертелен, счастье моё! – объяснил Петрович, подкручивая седые усищи. Оксана вспыхнула.

– Ах, значит я – вампириша? Ну, Александр Петрович, спасибо вам преогромное за такой изысканный комплиментик! Назвать меня упырихой – это галантно!

– Я не сказал – упыриха! – чуть не взлетел Петрович от возмущения. – Я сказал – вампириша! Ты что, не чувствуешь разницы?

– Нет, не чувствую! Объясните, пожалуйста, её мне.

– Нет ничего проще. Двух упырих наши три девчонки и Алексей Борисович сейчас водят по коридору. Ты же их видела?

– Ну, и что? Разница-то в чём?

– Разница простая. Зачем сосут упырихи кровь? Чтобы получить удовольствие. А вампириша зачем сосёт?

– И зачем?

– Для того, чтоб его доставить.

Прелестная лаборантка решила расхохотаться. Ей ни к чему было ссориться с Александром Петровичем. Два других врача, очень недовольные тем, что туча над ним прошла, стали уверять, что всё это вздор, никакой нет разницы. Тут вошли Ирина Евгеньевна, Алексей Борисович и Лариса. Мол-

ча и мрачно уселись они за стол.

– А где упырихи? – спросил Петрович, подмигивая прекрасной вампирше.

– Прялкина повела их к Витьке, – ответила терапевт. – Им необходимо ещё раз вымотать ему нервы! Они без этого просто не смогут жить.

– Как это ужасно! – воскликнула лаборантка. – Ведь у него сейчас мама этой блондинки, и он её утешает! Зачем, зачем им к нему?

– Да вряд ли она нуждается в утешении, – проворчал Алексей Борисович. – Эта женщина выкована из стали. Директор школы! Её вчера в новостях показывали. Министр образования ей вручал медаль к юбилею. Видели?

– Алексей Борисович, мать есть мать, – вздохнула Лариса. Тут все насторожились, так как из коридора вдруг донеслись голоса и звук удаляющихся шагов. Потом вошла Прялкина.

Поглядев на неё, все поняли, что произошло нечто из ряда вон. На её лице было чувство, которое не привыкли видеть на нём – растерянность.

– Что случилось? – громко спросил Алексей Борисович. – Неужели вновь кто-то умер?

Не отвечая, Прялкина подошла к дивану и села. Она пыталась собраться с мыслями.

– Не молчи! – крикнула Лариса. – Тебя там что, по башке ударили?

– Нет, – очень тихо сказала Прялкина, глядя в пол. – Но

она их выгнала.

– Кто? Кого?

– Директриса! Их! Как только они вошли и заговорили, она сказала им: «Я прошу оставить его в покое и выйти вон! У него вчера утонула дочка.» И они сразу вышли.

Глава седьмая

Наследство

Виктор Васильевич даже и не взглянул на чиновниц, которые очень громко вошли, ещё громче что-то воскликнули, а затем беззвучно исчезли, плотно прикрыв за собою дверь. Возможно, что он их и не услышал. Сидя перед столом, он медленно и спокойно наигрывал на гитаре вальс из старого фильма – про лошадей, про войну, про смерть. Очень грустный вальс. Пожилая дама, которую он не видел тридцать четыре года, тихо продолжила, утирая слёзы платочком:

– Она отправила на тот свет обоих моих мужей. С одним случился инфаркт, когда улетучились наши обручальные кольца и фронтовые награды его отца. Другой отравился, когда она начала его шантажировать их интимной близостью, предварительно сделав какую-то диктофонную запись. Об этой близости я от неё узнала с красочными деталями прямо в день похорон, когда опускали в могилу гроб. К этому моменту милое существо успело уже налакаться водки с кладбищенскими рабочими и украсть у них молоток с гвоз-

дями. Соседи стали опять со мною здороваться только после того, как я её выгнала, потому что она обчистила весь подъезд, а затем весь дом. Для всех оставалось тайной, как эта гадина умудрялась отпирать двери. Возможно, делала слепки с ключей. А может быть, у неё имелись отмычки. Она обладала феноменальным даром находить ценное. Тайников для неё не существовало. Никто не мог её уличить, и только по очень косвенным признакам становилось ясно, кто поработал. Милиция разводила руками – мол, доказательств нет, что делаешь! Отпираться она умела. Ангел, Дюймовочка! Ну, ты видел. С такой же лёгкостью у неё получалось чистить карманы, прилавки, кассы. Все деньги шли на наркотики. А потом у неё стали появляться очень богатые мужики. Конечно же, и они становились жертвами ловкости её рук. Какие-то люди порой пытались у меня выведать, где она проживает, но я уже ничего про неё не знала.

Один из двух стоявших на столе телефонов запел соловьиной трелью. Виктор Васильевич поднял трубку.

– Да. Добрый день. Хорошо, я прооперирую. Через полчаса. Или через час. Время ещё терпит. Договорились.

– Я уже ничего про неё не знала, – сдавленно повторила, скомкав платок, Алевтина Дмитриевна, когда её собеседник вновь заиграл. – А если бы знала, сказала бы непременно. Я перестала быть её матерью, когда ей было лет семнадцать. И знаешь – хотя она к этому моменту успела меня обворовать дочиста, опозорить перед соседями и лишить обоих мужей,

я бы ей простила всё это. Но...

– Не надо, не продолжай, пожалуйста, – попросил Гамаюнов, откладывая гитару так, словно она стала жечь ему руки. – Зачем говорить банальности? Прошло тридцать четыре года! Целая жизнь.

– Я бы всё смогла ей простить, если бы она не напоминала тебя, – как будто и не слышала его слов Алевтина Дмитриевна. – Ведь первые года три я, как начинающий педагог, всерьёз полагала, что отец – это тот, кто вырастил, а не тот, кто зачал. Однако, когда этот ангелочек начал таскать у меня абсолютно всё, что плохо лежало, мои иллюзии пошатнулись. Мой первый муж, который её воспитывал, не был вором!

Виктор Васильевич знал, с кем он говорит. Нужно было сделать уступку.

– А я, по-твоему, вор?

– Я этого не сказала. Твоей природе присущ рационализм, который не позволяет тебе удариться во все тяжкие. Но основа её – паскудство. Ты ведь прекрасно знал, что я родила от тебя ребёнка! Но сделал вид, что не знаешь. Ей перепала только одна сторона твоей личности, не стесненная никаким рационализмом. Просто представь себя без амбиций, и всё поймёшь. Она родилась воровкой.

Тут телефон на столе опять затрезвонил. Виктор Васильевич приподнял и положил трубку. Потом спросил:

– И больше ничего не было?

– Если бы! – с горьким вздохом отозвалась Алевтина Дмитриевна. – Через полтора года меня уведомили о том, что она – в СИЗО. Какой-то подонок, в которого она втюрилась, затянул её в наркобизнес. Я отказалась её спасти – для этого требовались совершенно невероятные деньги. Кто-то другой добился того, что все обвинения были сняты. Месяцев через восемь ей присудили условный срок, уже по другому делу. Вот после этого я о ней ничего не слышала.

– Это странно, – проговорил Гамаюнов, глядя поверх плеча своей собеседницы на обитую дерматином дверь. – Это очень странно.

– Что странно?

– То, что кому-то понадобилось спасти её от тюрьмы, потратив на это невероятные деньги. Кто бы это мог быть?

Алевтина Дмитриевна всплеснула руками.

– Да что здесь странного? Это сделал её подельник, очень боявшийся, что она его за собой потащит! Вполне обычная ситуация. Киллер стоит дороже, чем прокурор, снимающий обвинение.

– Вот уж с этим позвольте не согласиться, – хмыкнул Виктор Васильевич. – Впрочем, киллеров среди близких знакомых у меня нет, поэтому не рискнул бы держать пари. Так ты говоришь, подельник?

– Да, разумеется. А кому ещё эта шваль могла быть нужна? Конечно, самцы от неё балдели, но никаких особо глубоких чувств она никому, по-моему, не внушала.

Тут Алевтина Дмитриевна запнулась на полуслове, о чём-то вспомнив. Спустя минуту она не без колебания проронила:

– Кто-то мне говорил тогда, что есть у неё какой-то мальчишка – очень талантливый музыкант, влюблённый в неё до одури. Скрипач, кажется. Он играл в известном оркестре – так что, возможно, деньги у него были.

– Скрипач?

– Скрипач. Или пианист. Я точно не помню. Ведь пролетело пятнадцать лет, и все эти годы мне, как ты понимаешь, было не до того, чтоб пилить опилки. Я была вынуждена работать не покладая рук. Иначе бы я банально сошла с ума!

– У тебя была бесконечно трудная жизнь, – вздохнул Гамаюнов. – Но моя всё же была труднее, притом значительно.

Тут вдруг подал сигнал второй телефон. Он озвучил номер. На этот раз заведующий взял трубку и объявил, что будет готов минут через сорок, после чего сделал звонок анестезиологу и назначил точное время. Потом взглянул на скорбно сидевшую перед ним массивную даму, которую ни почём не узнал бы, случайно встретив на улице. Алевтина Дмитриевна, конечно же, чувствовала себя оскорблённой и не замедлила поинтересоваться с оттенком мрачной иронии, на которую уж она-то имела право:

– А на каком основании вы назвали себя несчастным, Виктор Васильевич? Разве вы одиноки? Разве была у вас дочь, которая превратила вашу жизнь в ад?

– Таких у меня две штуки, – снова вздохнул хирург. – А вот что касается одиночества – тут ты сделала верный вывод, сказав о некоем раздвоении моей личности. Я ни днём, ни ночью не остаюсь один. Особенно ночью. Жена, конечно, не в счёт. Ты помнишь, как я читал тебе «Чёрного человека» Есенина? У меня до сих пор осталась эта привычка. Всем читаю Есенина, как напьюсь.

– При чём здесь Есенин? – не поняла заслуженная учительница русского языка и литературы.

– Да как при чём? Ты разве забыла, что я тебе читал? Хорошо. Я сейчас не пьян, поэтому вспомню всего лишь несколько строк.

И Виктор Васильевич, одолев минутное колебание, без достаточного надрыва продекламировал:

«Слушай, слушай! – бормочет он мне в лицо,
А сам всё ближе и ближе клонится, -
Я не видел, чтоб кто-то из подлецов
Так ненужно и глупо страдал бессонницей!»

– Хватит, Витя! – оборвала декламацию Алевтина Дмитриевна, боясь следующей строфы, про толстые ляжки. – Пожалуйста, перестань! Разве тебе трудно не быть шутком хотя бы три дня после смерти дочери?

– Трудно, трудно! Я ведь подлец, и ты никогда меня не поймёшь, будучи святой. К тебе по ночам никто не приходит,

не говорит о том, что ты – мразь.

– Тебя угнетают эти ночные разоблачения? – с головой ушла в директорский тон Алевтина Дмитриевна.

– Ты знаешь, по настроению. Иногда они развлекают, как алкоголь. Но утром – похмелье.

– А ты не пробовал не быть мразью?

– Что я для этого должен сделать? Вернуть свои девятнадцать лет и не расставаться с двадцатилетней учительницей, которая растоптала ногами мои кассеты с Высоцким, крича, что это вульгарщина и ползучая клевета на Советский строй?

– А вот это подлость, – вспыхнула Алевтина Дмитриевна, царапнув ногтями по лакированному столу. – Даже от тебя я не ожидала такого, Витя! Напоминать человеку о том, как он заблуждался в двадцатилетнем возрасте под влиянием пропаганды и воспитания – это против правил приличия!

– А корить человека за то, что он был абсолютно прав в девятнадцать лет – это против правил морали.

Взгляд Гамаюнова больше не обещал ничего хорошего. Но, величественно поднявшись, директор школы решила бросить на стол свой последний козырь.

– Зря я её отправила под твой нож, узнав через интернет, где ты практикуешь, – помолодевшим голосом изрекла Алевтина Дмитриевна, взяв сумку. – Если бы Верочку привезли в другую больницу, она сейчас была бы жива!

– Не исключено.

Сказав так, Виктор Васильевич выдвинул верхний ящик

стола и достал айфон, кнопочный мобильник и лист бумаги с бессмысленными наборами букв по пять-десять в каждом. Переложив всё это на стол, он в последний раз посмотрел в глаза, которые тридцать четыре года назад казались ему источающими единственный и неповторимый смысл жизни. Сейчас в них было недоумение.

– Это ваше наследство, – пояснил врач. – Извольте принять.

– Я вам его уступаю, – дала ответ Алевтина Дмитриевна. И вышла, с ненавистью толкнув перед собой дверь, обитую дерматином. Когда она вновь закрылась, Виктор Васильевич начал вчитываться в слова, составленные из букв. Три-четыре слова вдруг показались ему знакомыми – но так смутно, что даже и не имело смысла пытаться вспомнить, где он мог их услышать или прочесть. Спустя некоторое время в дверь поскреблись, и вошла Лариса. Взгляд у неё был очень пытливым.

– Виктор Васильевич, мне сейчас звонил анестезиолог. Больной уже на столе. Если вам немножко нехорошо, я прооперирую.

Виктор Васильевич посмотрел на неё внимательно. Любопытство из её глаз исчезло, уступив место лёгкому замешательству.

– Закрой дверь, – сказал Гамаюнов. Лариса быстро сделала это. Потом она повернула ключ, торчавший в замке, и стала снимать халат. Достав свой мобильник, Виктор Васи-

льевич набрал Прялкиной. Та немедленно приняла звонок.

– Да, Виктор Васильевич!

– Что ты делаешь?

– Я? Пью кофе. А что?

– Звонил анестезиолог. Больной уже на столе. Ты всё поняла?

– Так точно, – сказала Прялкина и ушла со связи. Через минуту из коридора донёлся стук её каблучков. Он весело улетал к концу коридора, где находилась главная операционная.

Глава восьмая

Сумасшедший дом

Рабочий день подошёл к концу. Посадив в машину Ирину, Прялкину и Ларису, Виктор Васильевич прогулялся в морг, где вручил заведующему пятнадцать тысяч рублей с просьбой передать их родственникам Веры Капустиной, когда будут забирать тело. Потом поехал домой. Своих пассажиров он высадил у метро, хоть те усиленно звали его посидеть в кафе. Виктору Васильевичу было сейчас не до разговоров. Он очень сильно устал. После операции, которую выполняла Прялкина, были две, которые провёл он, и обе – не из простых.

Дорожная ситуация не улучшила настроение. По причине аварии со смертельным исходом на выезде из Новогире-

ево собралась приличная пробка. Был уже восьмой час, когда Гамаюнов подъехал к своему дому.

Возле подъезда его ждало ещё одно приключение. Там, на фоне заката, зверски сцепились Дунька и Женька. Драка, судя по расцарапанным рожам, длилась уже с полчаса. На глазах множества людей, столпившихся во дворе и припавших к окнам, две шестнадцатилетние дылды драли друг друга за волосы, царапались и визжали. Активно вмешиваться в конфликт никто не решался, так как одной из участниц этого безобразия была дочь Виктора Васильевича Гамаюнова – с ней свяжись! Поэтому все мальчишки только смеялись, бабки настойчиво призывали к миру, мамы оттаскивали детишек, а мужики вообще ничего не делали. Пришлось разруливать ситуацию самому Виктору Васильевичу. Торопливо заперев «Ниву», он подбежал, растащил. Взяв правой рукой за шиворот Женьку, а левой Дуньку, под одобрительный шёпот зрителей поволок обеих к подъезду. Обе скулили, хныкали, матерно оскорбляли и обвиняли одна другую во всяких гадостях, но покорно тащились за Гамаюновым. Один мальчик услужливо распахнул подъездную дверь, другой вызвал лифт. Пока поднимались, Виктор Васильевич очень много слышал писклявых жалоб и причитаний, однако сути конфликта так и не уяснил. Вытащив скандальных девиц на шестой этаж, он двинул ногой по двери своей квартиры. Её открыла Наташа. При виде Дуньки и Женьки, жалко болтавшихся на своих капюшонах в руках Виктора Васильевича,

ча, она дико выпучила глаза. Безмолвно вручив ей её младшую сестрицу, Виктор Васильевич подвёл Женьку к двери её квартиры и позвонил. К его удивлению, дверь открыла не Ирка – старшая сестра Женьки, а незнакомая ему дама лет тридцати – тонкая, носатенькая, брюнетка. Были на ней чулки, короткая юбка, блузка. Быстро взглянув на Женьку в царапинах, а затем – на того, кто крепко её держал в подвешенном состоянии, она вымолвила:

– Ого!

– А Ирина дома? – осведомился Виктор Васильевич.

– Иры нет. Она на работе. Сегодня у неё смена. Женечка, что случилось?

– Я их сосед, напротив живу, – сказал Гамаюнов, прежде чем Женька открыла рот. – С кем имею честь?

– Это квартирантка, – пискнула Женька, пустив сопливые пузыри. – Мы с Иркой решили комнату сдать! Она у нас будет жить.

– Меня зовут Рита, – сухо представилась незнакомка. – Рита Дроздова. Скажите, что с ней такое?

Виктор Васильевич ещё раз оглядел её с головы до ног, слегка заострив внимание на последних, и дал ответ:

– Они с моей младшей дочерью только что чуть не разорвали одна другую. Вы сейчас сможете обработать её царапины чем-нибудь спиртосодержащим и проследить, чтоб она часа полтора на улицу не высывалась? Я их очень хорошо знаю, её и Ирку. Она сейчас в неменяемом состоянии, лег-

ко может натворить бед.

– Она до утра никуда не выйдет, – пообещала Рита. Взяв Женьку за руку, она так энергично втянула её в квартиру, что, если бы Гамаюнов не разжал пальцы – в них бы осталась либо часть куртки, либо часть Женьки. Растерянно поглядев на громко захлопнувшуюся дверь, он пошёл к себе.

Елены Антоновны дома не было. Ей пришлось поехать к своим родителям, потому что им нездоровилось. Попив чаю с Наташей, которая удивлённо выслушала рассказ о драке и заявила, что ничего не слышала, так как мылась, Виктор Васильевич прошёл в комнату младшей дочери. Он хотел с ней мирно поговорить. Но Дунька, лежавшая на диване, гордо отвергла мирные предложения, заявив отцу, что он алкоголик и вечно лезет не в своё дело.

– Из-за какого дела можно до такой степени расцарапать друг другу морды? – пожал плечами Виктор Васильевич. – Объясни, я не понимаю!

– Да из-за мальчика подрались, идиоту ясно, – донёсся с кухни голос Наташи. – У них ещё со вчерашнего вечера зрела ссора! Женька отбила у неё Лёничку, и сегодня Дунька застучала их в подвале.

– Сдохни, овца! – подскочила Дунька. – Пошли все вон! Я вас уничтожу! Ублюдки, сволочи, гады!

Поняв, что с Дунькой сейчас никак ни о чём не договоришься, Виктор Васильевич пожелал ей спокойной ночи, хоть за окном едва наступали сумерки, и пошёл смотреть те-

левизор. Этот предмет занимал немалую часть малюсенькой комнаты, где ютились старшие Гамаюновы – дочерям требовался простор для занятий танцами. Телезрителем в полном смысле этого слова Виктор Васильевич не был. Он телевизор слушал, одновременно читая книги по философии, преимущественно Толстого. Наташа как-то сказала про эту странность отца, что лично она нипочём не стала бы жрать трюфельный салат в общественном туалете, но папа входит в пятёрку самых чудных мужиков двора, а по нервотрёпству он, вообще, чемпион. Это была правда. Конечно, Виктор Васильевич не бросался бутылками из окна по американским танкам, как дядя Коля с четвёртого этажа, и не приводил баб прямо домой, чтобы злить жену, как Вован с восьмого, но у него был баян. Выпив водки, Виктор Васильевич брал баян свой и в лучшем случае выбегал с ним на улицу, где его догнать было трудно, а в худшем случае проводил домашний концерт. Играл он отлично, но ведь баян, простите, не флейта, в тесной квартире можно оглохнуть! Короче, это был ужас.

Войдя к себе после ссоры с Дунькой, Виктор Васильевич обнаружил на столике этот самый баян, забытый на Пасху у Емельяныча, на Таганке. Весь понедельник он сокрушался по своему инструменту, боясь, что бывшие зэки и проститутки мигом найдут ему применение. И вот – на тебе! Прикоснувшись на всякий случай к баяну, Виктор Васильевич крикнул:

– Наташа! Откуда взялся баян?

– Да мужик какой-то его принёс, – ответила дочка с кухни. – А у подъезда какие-то бабы ждали!

Вполне удовлетворившись этим ответом, Виктор Васильевич приступил к задуманному, а именно: снял пиджак, включил телевизор, который многими голосами начал воспитывать Украину, Англию и Америку, взял большую книгу Толстого и развалился с ней на диване. Но и патриотизм и Толстой шли мимо сознания. Глаза быстро скользили по длинным строчкам, но перед ними стояла тоненькая брюнетка с горбатым носом, взявшая на себя заботу о Женьке. Кто она, чёрт бы её побрал? Откуда взялась?

Заиграл мобильник. Взглянув на определившийся номер, Виктор Васильевич неохотно вышел на связь. Звонил его старший брат Анатолий. Он уже двадцать четыре года строил под Тверью дом и в этой связи успел опостылеть как своей жене с дочкой, которые разуверились, что увидят хотя бы стены этого дома, так и всем прочим родственникам, которым на этот дом было глубоко наплевать. Сейчас он сквозь шум каких-то машин взволнованно прокричал, что у его старрой «Газели», гружёной досками, развалилась коробка, и он стоит на шоссе под Клином.

– Что ты от меня хочешь? – холодно поинтересовался Виктор Васильевич. – Чтобы я примчался и взял тебя на буксир? Об этом ты даже и не мечтай! Я завтра дежурю.

– Витька! – взвыл Анатолий. – Совесть имей! Никто не

взял трубку, кроме тебя! А эвакуатор стоит семь тысяч! Откуда я их возьму?

– Зато психиатр к тебе приедет бесплатно, – отрезал Виктор Васильевич. Отключив телефон, он опять взял книгу. И опять мысли его вернулись к худой брюнетке. Он знал, что Ирка хочет сдать комнату, но смотрел на это скептически. Буйным сёстрам в их небольшой квартире, доставшейся от родителей, и вдвоём было тесновато. Женька училась на первом курсе медколледжа и любила громко орать, а Ирка училась на втором курсе консерватории и играла на фортепьяно. Кроме того, она иногда по ночам работала в ресторане официанткой и по утрам домой приходила злая. Какая тут ещё может быть квартирантка? И вот нашли, да притом брюнетку – такую, как они сами! Ирка и Женька были очень похожи на Анжелику Варум, ну и соответственно – друг на друга. Внешняя разница между сёстрами заключалась лишь в том, что у Женьки рожа была глупее. А так – почти и не отличишь.

Как раз в тот момент, когда Гамаюнов думал о глупой Женькиной роже, затренькал дверной звонок – напористо, длительно. Едва смолкнув, звук повторился. Виктор Васильевич, схватив пульт, убрал патриотский ор и снова окликнул старшую дочь:

– Наташка, открой! Я занят! Читаю!

– Я не могу! – крикнула Наташа уже из комнаты. – Крашу ногти!

Пришлось идти самому, заложив Толстого углом страницы. Звонок ещё раз чирикнул. Сдвинув щеколду, Виктор Васильевич не успел нажать на дверную ручку – тот, кто звонил, нажал на неё снаружи, и дверь открылась. И Гамаюнов остолбенел. Перед ним стояла Рита Дроздова. Взглянув на её лицо, которое час назад его до чрезвычайности впечатлило, Виктор Васильевич понял, что это было ещё не самое сильное впечатление вечера.

– Помогите! – вскричала Рита, прижав ладони к щекам. – Женька совершила самоубийство!

Глава девятая

Куда надо совать таблетки, бегать от ангелов и смотреть

В самоубийстве Виктор Васильевич усомнился сразу, как только выяснил обстоятельства. Это сделать он умудрился за три секунды, которых ему хватило, чтобы преодолеть расстояние от своей квартиры до Женькиной. Впрочем, здесь была не его заслуга, а Риты. Мчась впереди, она успела сказать, что Женька заперлась в ванной, взяв с собой стул, верёвку, кухонный нож и целую горсть реланиума.

– Значит, Женька – Кашей Бессмертный, раз уж решила кончать с собой сразу тремя способами, – заметил Виктор Васильевич, дёрнув дверь ванной комнаты. – Если не четьрьмя. Она, получается, и повесилась, и разрезола себе ве-

ны, и отравилась, и утопилась в ванне. Весело, весело!

– Ради Бога, сделайте что-нибудь! – возопила Рита, пав на колени, ибо они от ужаса подогнулись. Также в квартиру вошла Наташа, всплёркивая руками, чтоб высох лак. За нею последовали соседи, которые выбежали на крик: Андрюшка Коровников – дальнобойщик, и Зинаида Семёновна, старушенция лет под сто. Она яростно крестилась, будто отмахиваясь от призраков, и шептала молитвы, как заклинания. Было страшно.

– Без топора не взломаем, Виктор Васильевич, – пробасил Коровников, также дёрнув крепкую дверь. – Он у меня есть. Притащить?

– Не нужно, – ответил Виктор Васильевич. Ухватившись за ручку двери, он хорошенько рванул её на себя. Четыре шурупчика, на которых держался с внутренней стороны шпингалет, со скрежетом вылетели из гнёзд. Шпингалет упал, и дверь распахнулась.

Рита завывала, как раненная волчица. Сухонькая рука Зинаиды Семёновны замелькала вдвое быстрее, напоминая лопасть пропеллера. У Наташи дрогнули губы. Даже Коровников побелел. Было от чего!

Женечка лежала в позе зародыша на полу и не шевелилась. На ней было лишь бельё. Под раковиной стоял чёрт знает для чего взятый стул. На нём лежала верёвка, а на ней – нож, действительно очень страшный. Только одних таблеток не было видно. Впрочем, Виктор Васильевич моментально

сообразил, куда они подевались. Пощупав пульс несчастной самоубийцы, он отступил и скорбно сказал:

– Да, тяжёлый случай! Практически катастрофа.

– Она жива? – вскрикнула Наташа.

– Ещё жива. Но отходит. У неё нет ни малейших шансов – ведь она выпила целую горсть реланиума! Спасти её может только одно – огромная клизма. Как минимум, трёхлитровая. Но ведь мы её не найдём, а Скорая не успеет. Прощайтесь с девочкой.

– Папа, клизма у мамы где-то была! – вспомнила Наташа. – Огромная, трёхлитровая! Сейчас сбегая, принесу.

В этот момент Женька слабенько, чуть заметно пошевелилась и застонала. Наташа, бросившаяся к двери, остановилась. Рита, которая громко плакала, вдруг умолкла. Ужас во взгляде её мгновенно уступил место растерянности, и это была растерянность того сорта, который очень легко переходит в бешенство.

– Ей становится лучше! – воскликнул Виктор Васильевич, вновь склонившись над Женькой. – Крепкая девушка! Тем не менее, клизму всё же надо поставить. На всякий случай.

– О, я не вижу в этом необходимости, – простонала Женька, открыв один левый глаз, который смотрел очень настороженно. – Мне действительно стало лучше! Таблетки, видимо, не подействовали. Где, Ритка, ты покупала эти таблетки? Они, должно быть, фальшивые! Контрафактные!

– Это очень легко проверить, – заметил Виктор Василье-

вич. – Надо их вытащить из трубы под ванной и отнести фармацевтам на экспертизу. Или ты в раковину их высыпала?

– Ой, ой! – снова ощутила прикосновение смерти Женька, в судороге внезапной агонии приподнявшись, дабы её страдальческая гримаса не ускользнула даже от дурака Андрюшки – железнолобого, как его огромная фура. – Сердце болит! Я всё поняла! Таблетки влияют не на живот, а на сердце! Ой, помогите! Я умираю! Мамочка! Зинаида Семёновна, помолитесь за меня Богу! Я вижу ангела...

– Тварь!!!

Этот страшный крик прогремел с порога. Все разом вздрогнули, повернулись, и – к своему огромному удивлению, точно вдруг заметили ангела... В виде Ирки, чёрт её знает откуда взявшейся. Людоедское выражение её глаз давало понять, что она вошла целую минуту назад и великолепно-ным образом поняла смысл происходящего. Глаза Женьки, которая уже год нисколько не уступала сестре ни ростом, ни силой, также налились злобой. Кровавой схватки двух разъярённых пантер, казалось, было не избежать. Но произошло вдруг нечто иное. Ирка, молниеносно сдёрнув с левой ноги английскую туфельку, виртуозным броском засветила ею младшей сестре по лбу. Этот неожиданный и страшный удар деморализовал Женьку. Взвизгнув свиньёй, младшая пантера вскочила и прошмыгнула в комнату. Ангел смерти, сбросив другую туфельку, так же резво юркнул туда же, и за закрывшейся дверью, судя по грохоту, начался для Женьки

адок, даром что она толком умереть так и не успела.

Под звуки боя без правил трое гостей, остро ощутив себя лишними, удалились. Один остался. Это был Гамаюнов. Некоторое время он размышлял, прислушиваясь, не стоит ли прекратить и этот чудовищный мордобой. Решил, что не стоит: Ирка – человек взрослый, а идиотку Женьку давно пора проучить, от неё весь дом сатанеет. Виктор Васильевич поглядел на Риту, которая продолжала сидеть на пятках, закрыв руками красное от стыда лицо, и осведомился, как она себя чувствует.

– Вам-то что? – огрызнулась Рита, опустив руки и гордо вскинув глаза. – Вы врач?

– Нет, слесарь-сантехник, – ответил Виктор Васильевич. В подтверждение своих слов он подошёл к раковине в ванной и открутил под нею сифон – ловушку предметов, масса которых больше массы воды. Таблетки к таким предметам, конечно, не относились, однако Женька после того, как высыпала их в раковину, воду вслед не пустила, и потому они плавали в сифоне. Виктор Васильевич показал их Рите, которая встала на ноги.

– Ваши?

– Мои, – ответила Рита. Важно достав из кармана юбочки «Честерфилд» и очень красивую зажигалку, частично сделанную из золота, она с вызовом закурила. Мордобой в комнате продолжался. Виктор Васильевич слил реланиум в унитаз, привернул сифон и, сполоснув руки, предложил Рите по-

говорить.

– О чём? – без всякого интереса спросила та.

– О жизни и смерти. Знаете, когда Сталин позвонил Пастернаку, чтобы спросить, насколько мастеровит Мандельштам, Пастернак ему предложил разговор о жизни и смерти. Сталин повесил трубку. Но ведь мы с вами без телефона общаемся, так что вам от меня отделаться будет не так легко.

– Отличная эрудиция для сантехника, – улыбнулась Рита. – Но вывод в корне ошибочен. Я не Сталин, но если мне захочется вас послать – пойдёте как миленький, даже если вы не сантехник.

– Верю. Так где мы можем поговорить?

Она провела его в свою комнату. Зажгла свет. Комната была небольшая – шестнадцать метров, но очень даже уютная и с балкончиком. Потолок и стены требовали ремонта только отчасти. Пыли на мебели почти не было, хоть ещё в четверг Гамаюнов, зайдя по Иркиной просьбе приделать плинтусы, поразился её обилию. Шторам Ирка также вернула их первоначальный цвет, потратив полдня на стирку. Все вещи были уже разложены, хотя Рита въехала этим вечером. На комод лежали пять поэтических сборников – Мандельштам, Цветаева, Блок, Ахматова и Есенин. А на журнальном столике, вперемежку с флаконами парфюмерии, красовались бутылки крепкого алкоголя.

– Это вы зря поставили их, – заметил Виктор Васильевич, сев на стул. – Младшая сестрица всё оприходует.

– Вы о чём?

– О спиртных напитках.

– А сами будете?

– Да.

Рита очень быстро принесла с кухни пару бокалов и кока-колу. Заметив, что её не во что наливать, сходила за кружками. Гамаюнов сказал, что он будет водку, а Рита выбрала виски.

– Давайте выпьем, не чокаясь, – предложил ей Виктор Васильевич. Рита с радостью согласилась. Ей никогда не нравилось приплетать традиции к алкоголю. Опорожнив свой бокал, она опять закурила, разглядывая хирурга сквозь ароматный дым. У неё возникла догадка, что этот странный мужчина – врач. Уж очень он снисходительно усмехнулся, когда она поинтересовалась, не врач ли он! И она решила больше ему никаких серьёзных вопросов не задавать. Зачем? Ведь это она ему интересна. Женат ли он? Вероятно. Вполне ухоженный.

Ирка с Женькой, тем временем, перестали буйствовать за стеной, и Виктор Васильевич обратил на это внимание собутыльницы.

– Слишком тихо, – произнёс он, движением головы указав на стену, которая разделяла комнаты. – Вам не кажется?

– Думаете, они там убили одна другую? – насторожилась Рита.

– Думаю, хуже.

– Чёрт! Что может быть хуже этого?

– Не убили.

Чёлочка над бровями Риты приподнялась. Пепел с сигареты упал на столик мимо стеклянной пепельницы.

– Отлично! Если они так затерроризировали весь дом, то что ждёт меня?

– Ничего хорошего, если ты не будешь прятать от Женьки свои таблетки. Кстати, кто их тебе рекомендовал? Ведь их можно купить только по рецепту.

– Кстати, как вас зовут? – вдруг спросила Рита. – Вы не представились.

Гамаюнов сказал, как его зовут.

– Мне кажется, вас здесь все очень уважают, – продолжила собеседница, элегантно гася окурок. – Можно узнать, за что?

– Понятия не имею. Должно быть, все надо мной просто издеваются. Меня не за что уважать. Я умею только читать стихи.

– Умеете только читать стихи? – протянула Рита. – Великолепно! А может быть, отвратительно. Вы каких поэтов читаете?

– Только двух – Есенина и Твардовского. Когда выпью.

Рита была жестоко разочарована. Её чёлочка опустилась примерно на сантиметр, губы чуть дрогнули.

– Если так, то зря я вам налила, – вздохнула она. – Я глупая.

– А кто твой любимый поэт? – спросил Гамаюнов, опять

наполнив бокалы.

– Рита Дроздова.

Такого выпада Гамаюнов не ожидал. Он чуть не расплескал виски. Ставя бутылку, сказал:

– Ого! И ты публикуешься?

– Исключительно в интернете.

– А можешь что-нибудь прочесть из своих стихов?

– В принципе, могу. Но вы ведь тогда сразу начнете читать мне Есенина! Я вас знаю.

– Откуда ты меня знаешь-то?

– От Есенина.

Они выпили за поэзию. Вошла Ирка. Она была успокоена. На ней были очень красивые джинсы и страшный свитер с продраным рукавом. Взглянув на неё слегка пьяными глазами, Рита заметила вдруг деталь, которая в трезвые не бросалась, а именно: правый глаз копии Анжелики Варум немножко косил в сторону виска. Это добавляло ей шарма – правда, не ангельского, а ведьминоного. Пристроившись на диване бок о бок с Ритой, Ирка во весь свой сахарный белозубый рот улыбнулась и промяукала:

– Добрый вечер, Виктор Васильевич!

– Добрый вечер, – ответил врач. – А где Женька?

– Женька устала и легла спать. Она вам нужна?

– Как аппендицит.

Ирка рассмеялась.

– Вот сразу видно – хирург! Плотник бы сказал: «Нуж-

на, как сучок!» Шофёр бы сказал: «Нужна, как гаишник!», а проститутка сказала бы – как дыра в этом самом... как его?

– Проститутка бы растерялась, глядя на вас обеих, – прервала Рита. – Лучше скажи, почему ты не на работе? Тебя что, выгнали?

– Нет, конечно! Просто со мной случилась беда. У меня опять разболелись ноги от этих форменных туфель. На нас ведь форма, как будто мы не официантки, а полицейские! Эти туфли мне натирают ноги. Я их сняла, начала ходить босиком. Клиентам это даже понравилось, но Тамарка – это администратор наша, сказала мне: «Если так, то лучше иди домой, отдохни!» Вот я и пошла.

– Форменные туфли тебе натирают ноги? – переспросила Рита.

– Да, ещё как! Смотри.

Ирка положила левую ногу щиколоткой на бедро правой – так, чтобы Рита смогла увидеть её стопу с нижней стороны. И Рита увидела на ней пластырь, белевший около пальцев.

– Кто-то мне говорил, что в том ресторане, где ты работаешь, есть рояль, – припомнил Виктор Васильевич, когда Ирка опять поставила ногу на пол. – Так почему ж ты официантка там, а не пианистка?

– Ну, вот ещё! – оскорбилась Ирка. – Я лучше ноги сотру до самых костей, чем сяду играть чавкающей пьяной быдлятине! Мне учиться ужасно трудно. Я не хочу, чтобы мой труд и труд моих педагогов был ради этого. Понимаете?

– Результат этого труда никуда не денется, если ты поиграешь «Мурку». Разве не так?

– Как вы не поймёте? Вот вы – хирург высшей категории. Поработайте мясником для разнообразия! А вот Ритка – поэт. Пусть посочиняет агитки для стенгазеты! Или частушки. А я для вас, когда вы сопьётесь сыграю «Мурку» с синкопами. Красота!

– Да не кипятись, – признал себя побеждённым Виктор Васильевич. – Все приличные люди и так спиваются.

– Я пока ещё не спиваюсь, – остыла Ирка. – Знаете, почему? У меня спортивный режим. Я хочу пойти стриптизёршей в какой-нибудь ночной клуб. А почему нет? У меня для этого есть все данные и разряд по гимнастике.

Говоря так, Ирка смотрела на алкоголь, стоявший на столике. Рита, знавшая, как она не спивается, холодно и принципиально не замечала этого взгляда.

– Книги, – вздохнула Ирка, переведя глаза на комод. – Стихи! Ритка, а кто круче – Анна Ахматова или Марина Цветаева?

– Они разные, – раздражённо сказала Рита. – Ахматова на всё смотрит глазами женщины, снизу вверх. Цветаева – сверху вниз, глазами поэта. В ней поэтическое начало преобладает над женским.

– А ты сама какими глазами смотришь и по какой траектории? – проявил интерес к поэзии Гамаюнов.

– Солнцепоподобными, сверху вверх.

Ещё раз с тоской поглядев на столик, Ирка поднялась на ноги и, зевая, так потянулась, что стало ясно – насчёт разряда она не брешет. Гибкость её высокого и красивого тела была вполне гимнастической. Энергично потрянув чёрными лохматыми волосами, Ирка промямила:

– Мне уже пора спать, мальчики и девочки. Завтра утром – две пары. Виктор Васильевич, передайте Наташке, что я в подземном торговом комплексе на Манежной видела куртку, которая ей нужна.

– Сколько ж она стоит? – насторожился Виктор Васильевич.

– Сорок девять тысяч рублей семнадцать копеек.

– Значит так, Ирка! Слушай меня внимательно. Если ты ей хоть одно слово скажешь про эту куртку, мы с тобой очень сильно поссоримся. Ты меня поняла?

– Поняла, конечно! Спокойной ночи.

И пианистка, вполголоса напевая «Мурку», ушлёпала в свою комнату. Было уже десять часов. Проводив глазами нагло виляющий Иркин зад, Гамаюнов вновь наполнил бокалы. Рита, взяв сигарету, не удержалась от смеха.

– Виктор Васильевич, ей ведь двадцать три года! А вам, поди, пятьдесят. Не стыдно?

– Ты знаешь, нет. Чем старше мотор, тем более дорогим и качественным должно быть для него масло.

– Каков наглец! – восхитилась Рита, чиркая зажигалкой. – Но почему шофёрский пример? Можно хирургический?

– Да, пожалуйста. Тебе сколько лет, если не секрет?

– Секрет, и ещё какой! Но вам, как врачу, я вынуждена его открыть. Мне тридцать четыре года.

– Тридцать четыре года? – переспросил Гамаюнов и опустил тянущуюся к бокалу руку. Он ясно понял вдруг, что ему больше пить не нужно, хотя он выпил чуть-чуть. Настойчивый голос не то судьбы, не то ангела-хранителя, не то Бога – голос, который его преследует с самых первых часов пасхальной недели, не станет ласковее и мягче, сколько бы он, Гамаюнов, ни выпил водки. Он очень пристально посмотрел на женщину, удивлённо смотревшую на него. Судя по глазам, она полна тайн. Довольно красива. Пишет стихи. Ей тридцать четыре года! Можно ли сомневаться, что она послана для того, чтоб всё встало на места, что именно ей он должен довериться? Никаких сомнений быть не могло. Но на всякий случай он едва слышно спросил её:

– Ты ли это?

– Будьте уверены, это я, – серьёзно кивнула головой Рита. – После двух порций виски я не решусь назвать себя ещё кем-то. Если вам это нужно, давайте выпьем пару бутылок рома.

– Рита, послушай меня внимательно, – попросил Гамаюнов. И стал рассказывать, начав с тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, когда ему было девятнадцать. Рита его ни разу не перебила. Она курила и слушала. Две сестры за стеной не спали. Старшая босиком ходила по комнате взад-впе-

рѣд, чем-то угрожая, а младшая, беспокойно скрипя диваном, не оставалась в долгу и иронизировала.

Когда рассказ завершился, Рита гасила третий окурок. Она молчала. Только когда Гамаюнов нетерпеливо спросил, что она про всё это думает, прозвучал с её стороны вопрос:

– А она до Пасхи могла не знать про свои три крестика?

– Вряд ли. Она, судя по словам матери, с подросткового возраста с кем только ни ширялась одной иглой, с кем только ни трахалась! Ей на эти кресты было глубоко наплевать. Совершенно ясно – она погибла по той же самой причине, из-за которой умер старый еврей. Она поняла, о чём говорит тот голос на диктофонной записи.

– Где айфон и листочек с буквами?

– В кабинете. Но только ты не получишь их, будь уверена. Я привык людей от смерти спасать, а не обречать их на смерть.

– Я их получу, – спокойно сказала Рита. – В этом вы даже не сомневайтесь. А что касается смерти – Боже ты мой, нашли кого кем запугивать! Лису – курицей!

Гамаюнов хотел что-то возразить, но вновь вошла Ирка, на этот раз – разозлённая. На ней были трусики и футболка.

– Виктор Васильевич! – заорала она. – Мне сейчас звонила Наташенька, ваша дочь! Я уже спала! Ей на городской звонил из больницы дежурный врач! Сказал, что вы недоступны! Будьте добры включить или зарядить свой кнопочный «Эрикссон», по которому уже лет пятнадцать плачет помой-

ка!

– Прошу прощения, – отозвался Виктор Васильевич и, достав из кармана брюк свой мобильник, включил его. Ирка постояла ещё, сверкая глазами, а потом решительно крутанулась на одной пятке и увильяла задницей к Женьке. Та её встретила злым гадючьим шипением, громкость коего навела на мысль о целой семье гадюк. Ирка начала их давить какими-то аргументами. Вслед за тем послышался грохот, звон, и обе притихли – видимо, испугались.

Рита внимательно наблюдала за Гамаюновым. Тот звонил в ординаторскую.

– Первая хирургия, – ответил Сергей Сергеевич, двадцатилетний врач.

– Что у тебя там? – спросил Гамаюнов. – Опять какой-нибудь генерал проглотил часы за миллион баксов во время обыска?

– Хуже, Виктор Васильевич! У Хромцовой швы разошлись. Вы ведь мне сказали, чтоб я не лез, если разойдутся. Я вам поэтому позвонил.

Гамаюнов громко ругнулся матом. Потом сказал:

– Хорошо. Останови кровь. Через полчаса я приеду. Кто там с тобой?

– Машка Фомина.

– Тогда вообще ничего не делай! Пусть Фомина наложит повязку, потом уколёт но-шпу и обезболивающее. Ждите.

Убрав мобильник, Виктор Васильевич на секунду заду-

мался, вспоминая, сколько в баке бензина. Вспомнить ему помешала Рита. Она сказала, поднявшись:

– Виктор Васильевич! Если вы едете в больницу, возьмите меня с собой.

– Ты сошла с ума! – вскричал Гамаюнов. – Мне дорога каждая минута!

– Я вас ни на одну секунду не задержу. Я уже готова.

– Имей в виду, что я провожусь там час! А может быть, два.

– Очень хорошо. Я вас подожду в машине. Когда закончите, вам придётся только зайти к себе в кабинет, чтобы взять айфон и бумагу. И все дела.

Гамаюнов понял, что эта дрянь не отцепится.

– Жди меня во дворе, – только и сказал он, после чего выбежал из квартиры и забежал в свою, чтоб надеть пиджак и взять документы.

– Папа, – высунулась из комнаты голова Наташи, – тебе звонил...

– Я всё знаю, – перебил Виктор Васильевич, сдёргивая со стула пиджак. – Я еду сейчас в больницу. Возможно, мало бензина. У тебя есть телефон такси?

– Такси сейчас вызывают через приложения в интернете!

– Без тебя знаю! Мать не пришла?

– Пока ещё нет.

Когда через две минуты Виктор Васильевич выходил из подъезда, Рита ждала его во дворе. Они подошли к машине

и молча сели в неё. Запуская двигатель, Гамаюнов взглянул на датчик бензина и облегчённо вздохнул. Почти двадцать литров! Повеселев, он дал резкий старт.

Глава десятая

Поцелуй Иуды

К одиннадцати часам зарядил второй в этом году дождик. Москва под ним заблестела, как глаз покойника при свечах. Уютно расположившись в машине, которую Гамаюнов припарковал около служебного входа в корпус, Рита смотрела, как белый луч больничного фонаря сливается с пеленой воды на стекле, делая её похожей на занавеску между двумя мирами. Возможно ли приподнять немножко хоть уголок этой занавески? Глупый вопрос! Пока было непонятно, есть ли она вообще. Но под барабанную дождевую дробь Риту будоражила мысль о том, что вот у неё опять появился шанс достичь высоты – если и не в жизни, то в смерти. Шанс был сомнителен, но огромность увиденной высоты сомнений не вызывала. Ещё бы – Библия! Прежде чем утонуть, несчастная Кочерыжка читала Библию. Разве Слово Бога может толкнуть на самоубийство? Ни в коем случае. Книга очень неоднозначная, но ведь церковь именно на неё, наверное, опирается, осуждая самоубийц! Впрочем, не мешало этот вопрос уточнить. Достав телефон из куртки, Рита набрала номер одной из лучших своих подруг.

– Говори быстрее, – мгновенно вышла на связь Таня Шельгенгауэр, журналистка очень известной радиостанции. – У меня эфир через три минуты!

– Ночью? Эфир? – удивилась Рита. – Новый проект?

– Да, типа того. С полуночи до пяти утра я одна в эфире два раза в месяц. Чего звонишь-то, спрашиваю? Опять какой-нибудь бред вороной кобылы в лунную ночь?

– Разглядеть сейчас на небе луну может получиться только у рыжей кобылы, – съязвила Рита. – Слушай, вопрос к тебе есть один. В Библии где-нибудь написано прямым текстом, что суицид – это грех?

Танечка задумалась.

– Прямым текстом – нет, – сказала она, чиркнув зажигалкой. – Нужно выстраивать двухходовку. Неблагодарность Богу и недоверие к нему – грех. Написано так: «Претерпевший же до конца спасётся». Следовательно, нужно терпеть, а не заниматься самоубийством. Ты что, решила повеситься? У тебя ничего не выйдет. Ты не умрёшь в петле.

– Это почему? – оскорбилась Рита.

– Элементарно. Уж если ты умудряешься думать задницей, для тебя не составит большой проблемы ею дышать. Лучше утопись.

– А я утону?

– Чёрт! Вряд ли, – вздохнула Танечка и ушла со связи – её уже торопил звукорежиссёр.

Опустив мобильник, Рита задумалась над её словами – ко-

нечно, не над последними. С внутренней стороны больничной ограды, к которой с других сторон примыкали окраинные проулки, ночь казалась глубокой. Белые фонари, мерцающие сквозь воду, и шум дождя настойчиво звали Риту за горизонт. А тот обещал её подождать, храня неподвижность. Но тут вернулся Виктор Васильевич. Сев за руль, он завёл мотор и бодро сказал:

– Ну, всё! Дело сделано.

– Померла? – спокойно спросила Рита. Виктор Васильевич посмотрел на неё внимательно.

– Ты всегда ставишь минус там, где можно с тем же успехом поставить плюс?

– Ах, Виктор Васильевич! Вы – как все. Я не понимаю, зачем нужно прикреплять к этим знакам смыслы? Если вам кажется, что плюс – это хорошо, вспомните свою Кочерыжку с тремя крестами.

– Спасибо, – пробормотал Гамаюнов и, включив фары, погнал машину к шлагбауму. Под колёсами шелестели лужи. Охранник, выйдя из будки, сперва взял под козырёк кожаной фуражки, затем поспешно поднял шлагбаум. Когда машина вырвалась на проспект, Рита пристегнулась на всякий случай. Также на всякий случай она спросила:

– Вы не забыли айфон и лист?

– Не забыл, – сказал Гамаюнов. – Но повторяю: ты не увидишь их до тех пор, пока я сам лично не разберусь во всей этой чертовщине.

– Вы абсолютно правы, Виктор Васильевич, – неожиданно согласилась Рита и замолчала на целые три минуты.

Дворники двигались по стеклу с неприятным скрипом. Стрелки часов на столбе слегка наклонились вниз от полудня, но поток машин поредел не сильно. Как только «Нива» остановилась на красный свет перед перекрёстком возле метро, Рита вдруг сказала, взглянув на профиль хирурга:

– Виктор Васильевич! У вас очень красивый нос.

– Рита! У тебя примерно такой же, – заметил врач, держа руку на рычаге скоростей, который подрагивал.

– Это верно. Но не пытайтесь вообразить, что я – ваша дочь. Я знаю, кто мой отец.

– Твоя интонация подразумевает интригу! Так кто же он?

– Сатана.

Отщёлкнув тугий ремень безопасности, Рита бросилась на водителя, как лисица на кролика. Гамаюнов не успел сделать ни одного движения, прежде чем её руки крепко обвились вокруг него, а губы причмокнулись к его рту. Язычок у Риты был вправду дьявольский. Кровь прихлынула и к лицу, и к прочим частям Виктора Васильевича так бурно, что у него в висках застучало. Фары и фонари закружились вихрями, словно он был изрядно пьян. Но сзади уже сигналили.

– Вам пора, – прошептала Рита, резким движением отстранившись от Гамаюнова. Не успел он опомниться, как её уже след простыл. Выпрыгнув из «Нивы», она бежала к метро и вскоре исчезла среди людей, спускавшихся по ступень-

кам.

Виктору Васильевичу пришлось продолжить движение, хоть ему, мягко говоря, было не до этого. Он остался в глубоком недоумении. Это чувство не покидало его весь путь. Когда он, припарковав машину под фонарём, направился к дому, его внимание привлекла какая-то девушка, одиноко сидевшая на скамеечке у подъезда. Он подошёл и увидел, что это Женька. Она курила, не потрудившись прикрыть башку капюшоном. Капли дождя ползли по её взлохмаченным волосам, будто светлячки.

– Кто дал тебе сигареты? – строго спросил Гамаюнов. Женька не удостоила его взглядом. Ответ дала, и голос её был низким, глухим, почти незнакомым:

– Я не спросила, как его звать! Разве я похожа на тех, кто ищет дружков на улице? Уходите, Виктор Васильевич! Я не бью вашу дочь. Чего вы сейчас пристали?

– Женечка, идёт дождь, – заметил хирург. – А сейчас не лето. Апрель. Легко простудиться.

– Я простужаюсь только в жару, – огрызнулась Женька. – Не надо думать, что я – такая, как все! Я не размазня! Я делаю только то, что мне хочется.

– Это всем хорошо известно, никто это не оспаривает. Ты хочешь посидеть в «Ниве»? С музыкой-то тебе будет повеселее! На, держи ключ.

Женька, не ответив, вскочила и, отбежав на двадцать шагов, села на заборчик детской площадки. Чтобы продолжать

её доставать, нужно было быть идиотом, и Гамаюнов пошёл домой.

Снимая пиджак, он понял, что идиотом как раз и был. Айфон и листок, лежавшие в боковом кармане, исчезли. Деньги, которые находились там же, остались. Водительские права и прочие документы, рассованные по всем остальным карманам, также были на месте.

Глава одиннадцатая

Храм Всех Скорбящих

В одном из узеньких переулков близ Большой Спасской, в дореволюционном доме с толстыми стенами, состоявшем из коммуналок, жили спасатели. Туда Рита и направлялась. Выйдя из метро «Сухаревская» в ноль сорок, она накинула капюшон и быстро зацокала вдоль Садового. Пешеходов было немного, в отличие от машин. Перейти Садовое вне подземного перехода было невыносимо. Брызги из-под колёс почти достигали Риты. Очень часто путь от метро к спасателям навевал на неё сюжет или тему очередного стихотворения. Но сейчас ничего подобного не было. Было чувство, что ночь – пора вдохновения, совершенно вытеснена из города бесконечным потоком транспорта. Даже к двум он не иссякает.

Храм Всех Скорбящих сквозь дождь поблёскивал куполами с такой сиротской тоской, что его хотелось погладить по всем сияющим головам, как брошенного котёнка. Спустив-

шись в гулкое подземелье с мрачными стенами, вдоль которых ещё недавно располагались очень полезные и красивенькие на вид торговые павильоны, Рита застала там двух бомжей, спасавшихся от дождя. Они её знали. Дав им по сигарете, она спросила:

– Как жизнь?

– Теперь зашибись, – ответил один, наполняя дымом щуплую грудь. А другой прибавил:

– Там она, там!

Рита поняла, о чём речь. Поднявшись наверх с другой стороны кольца, она зашагала по Большой Спасской. Прямо напротив гостиницы был малюсенький магазинчик. Каким-то чудом его ещё до сих пор не стёрли с лица земли. Наверное, не заметили. Впрочем, Рите была известна природа этого чуда, так как её связывали с владелицей магазинчика очень давние отношения. Та была судебным секретарём и фотомоделлю. Рита зашла. Весёлая продавщица обслуживала троих покупателей. Подождав, когда они выйдут, Рита спросила у девушки:

– Как торговля?

– Да одни презики покупают, – пожаловалась смазливая молдаванка. – А у тебя?

– А мне их приходится выдавать бесплатно, – вздохнула Рита. – Прикинь, на прошлой неделе вдруг оказалось, что нет у меня бесплодия!

– Поздравляю.

– Дай мне бутылочку «Каберне», – попросила Рита, достав из кармана деньги. – Как Светка?

– Светка не знает уж, кому дать, чтоб нас не закрыли! Но всё равно закроют, я думаю, даже если она Собянину даст.

– Скорее всего, – согласилась Рита и, взяв пакет с вином, вышла.

Дождь не стихал. Дорога была пуста, тротуар безлюден. Бледные фонари, возможно, лишь притворялись мёртвыми, потому что чьи-то глаза жгли Рите затылок. Она была уже очень близко от переулка, нужного ей, когда её вдруг нагнал патрульный автомобиль. Он затормозил, и Риту окликнули.

– Что тебе? – спросила она, сердито взглянув на лицо сержанта, которое появилось на правой стороне «Форда» вместо стекла, скользнувшего вниз.

– Ритка, за тобой кто-то шёл, – сообщил сержанти.

Рита огляделась.

– Кто за мной шёл?

– Откуда я знаю? Как только мы его зацепили фарами, он нырнул в какую-то подворотню. Но шёл он именно за тобой. Обочиной крался – за фонарями, за остановками. Ты оглядывалась – он прятался. Будь внимательна.

– Как он выглядел?

– Виден был только силуэт – даже непонятно, женский или мужской. Тебя подвезти?

– Не надо, – решительно отказалась Рита. – Спасибо, мальчики! Я вас очень люблю.

«Форд» сорвался с места, расплескав лужу, и рёв его мощного мотора быстро затих вдали. Свернув в переулок, Рита втянула голову в плечи. Вышеупомянутый дом и его двойник стояли неподалёку от улицы, но к ним нужно было идти в обход гаражей и детской площадки. Двор был освещён слабо. Рита пересекла его быстрым шагом, держась подальше от припаркованных вдоль бордюра машин и прочих предметов, могущих скрыть опасность. Патруль её запугал.

Код подъездной двери был ей известен. Открыв её, Рита поднялась в затхлом сумраке на площадку первого этажа и особым ритмом забарабанила в дверь квартиры спасателей. Ей никто не открыл. Тогда она вынула из кармана ключ и сама открыла. Теперь настало самое время в двух-трёх словах объяснить без лишних подробностей, кто такие эти спасатели.

Рита их называла спасателями в честь улицы, близ которой располагался дом – Большой Спасской. Конечно же, никого они не спасали, разве что некоторых – от ломки. Но это вряд ли можно было назвать спасательством. Их самих спасти было поздно. И жильцы дома, и полицейские уж давно махнули на них рукой, потому что первые осознали тщетность борьбы, вторые – её невыгодность. Жильцы, впрочем, продолжили бы борьбу, но у них была крепкая надежда на скорый снос и переселение. Полтора десятка спасателей занимали целую коммуналку из пяти комнат, сданную им последним живым жильцом этой коммуналки, который офор-

мил собственность на все комнаты. Побудить его выселить таких квартирантов никто не мог – он просто боялся. Кроме того, один из спасателей, погоняло которого было Веттель, кем-то ему ещё доводился – не то внучатым племянником, не то сыном.

Веттелю было двадцать четыре года. Окончив Суриковку, он год рисовал углём и карандашом на Арбате. Именно там с ним Рита и познакомилась. Они вместе пили коньяк целую неделю, когда вдруг выяснилось, что уличные художники с музыкантами не дают Царь-колоколу с Царь-пушкой и, может быть, ещё каким-то царям, столь же эффективным, сделать Москву прекрасной. Рита через неделю переключилась на ром, а Веттель решил смотреть на события как бы со стороны – я, дескать, вне времени. Но когда с Арбата выжили окончательно, то пришлось оказаться и вне квартиры, вне отношений с девушкой, вне мечты купить частный дом в сельской местности. Подвернулась возможность не очень дорого снять вместе с четырьмя такими же неудачниками ту самую коммуналку на Большой Спасской. Вскоре и этот клоповник стал компаньонам не по карману, ибо Москва делалась всё более изумительной. Подтянулся ещё десяток вневременных мастеров культуры возрастом от семнадцати до двадцати девяти. Вот так и образовалась на Большой Спасской целая банда этих спасателей.

Рита тихо вошла. Задвинув щеколду, она вгляделась в сумрак просторного коридора. Справа и слева поблескивали

шеренги пустых бутылок. Их выставляли вплотную к плинтусам, чтобы они не путались под ногами. Двери всех комнат были закрыты. Обычно это являлось признаком крупной ссоры. Полоса света с кухни предупредительно демонстрировала большую дыру в линолеуме, которая в темноте творила немало бед, о чём говорили пятна засохшей крови вокруг неё. На кухне курили. Вдруг из неё выскочил малюсенький чёрный пёс, похожий на скотч-терьера. Но беспородный. С лаем подбежав к Рите, которая замерла посреди прихожей, он замолчал и начал её обнюхивать, дружелюбно помахивая хвостом. Это был щенок. Две двери чуть приоткрылись, и из-за них с Ритой поздоровались.

– Это ты? – громко спросил с кухни контрабасист Мишка Шильцер, первым сумевший объяснить Рите, зачем нужны на фортепиано клавиши двух цветов.

– Я, – отозвалась Рита, глядя щенка. – А что это за щенок? Откуда он здесь?

– Его зовут Тишка, – послышался из-за третьей двери, также чуть приоткрывшейся, голос девушки. – Клер его пригнала с какой-то выставки. Привет, Ритка!

– Привет, Маринка.

Поцеловав щенка в мокрый нос, Рита распрямилась и отдала Маринке пакет с бутылкой вина.

– На, возьми для Клер. Она дома?

– И да и нет.

Эти удивительные слова Рите оказались вполне понятны.

Она прошла со щенком на кухню. У этой кухни был такой вид, что Фёдор Михайлович Достоевский, очень любивший описывать мрачные и убогие помещения, посвятил бы ей две страницы. За хромоногим, большим столом уныло расположились Веттель, Юра Щеглов – композитор, музыку которого было слушать гораздо менее интересно, чем его размышления о бессмысленности теории музыки, Мишка Шильцер в своём дурацком строгом костюмчике и одетые с меньшей строгостью выпускницы скрипичного факультета Гнесинки, Инга и Малика. На Инге была вязаная кофта до самых бёдер, на Малике – кимоно. Эти две красавицы и Щеглов курили, к неудовольствию Риты, не сигареты. Она на дух не переносила мелкие шалости. Тишка также их не любил. Втянув носом дым, он чихнул.

– Шла бы ты отсюда, – усталым голосом поприветствовал Веттель Риту. – Тебя ещё здесь не видели!

Остальные, кажется, разделяли его недоброе настроение. Риту это несколько не удивило.

– Я поняла, – сказала она, садясь рядом с Ингой. – Клер принесла щенка, и вы недовольны. Точнее, мнения разделились, и дело чуть не дошло до драки. Бедный щенок! Я его у вас заберу, чтобы найти ему более достойных хозяев.

– Ему здесь нравится, он прикольный! – неистово уцепилась за щенка Малика. – Лично я его не отдам! Он – самое адекватное существо в этом зоопарке.

– Малика, Гитлер тоже любил собак больше, чем людей, –

заметил Щегол, глубоко затягиваясь. – Подумай об этом.

– Гитлер наверняка пользовался туалетной бумагой, – бросила Малика. – И что, теперь жопу не вытирать?

Щеглов возразил, что это демагогический трюк низкого пошиба, и предложил Рите дунуть. Та разозлилась.

– Я двадцать раз тебе объясняла, что на меня не действует эта дрянь! Ты чего, тупой? Она не цепляет меня вообще! От слова совсем! Меня от неё тошнит, вот и весь эффект.

– Учёные доказали, что нет людей, которых Марья Хуановна не возносит хотя бы на третий уровень интеллектуального гуманизма, – стоял на своём Щеглов. – Ты просто не так затягивалась.

– Да ты ещё поучи меня затягиваться, придурок! Но я – не Инга, которую ты вчера на скрипке играть учил. Могу натравить собаку!

Тишка, будто сообразив, о чём идёт речь, рывкнул на Щеглова. Всем стало весело. И все поняли, что щенка обижать не стоит, так как он с Ритой спелся.

– Ты ещё не ушла из книжного? – спросил Мишка, когда унылая тишина отчасти восстановилась. Рита ответила, что уволилась.

– Почему? – удивилась Инга, передавая Малике яблоко раздора в виде источника дыма. – Тебе ведь ужасно нравилось там работать, это твоё!

– Вот моё опять стало ихним, – пожалала плечами Рита. – Через два месяца этот маленький магазинчик – кстати, один-

единственный на район, закроют. Вместо него будет сетевой магазин дешёвых продуктов. Мне грустно их дорабатывать, эти месяцы.

– Чем ты будешь платить за хату? – обеспокоился Мишка. Этот вопрос с его стороны был закономерен – именно он рекомендовал Риту Ирке с улицы Молдагуловой. Они вместе учились в консерватории, где он так и не доучился.

– Деньгами, – дал ответ Веттель, который знал Риту лучше, чем остальные. – Она работала в книжном не ради денег, так что едва ли особенно обеднела, уволившись из него.

– Я знаю, зачем она там работала, получая такую маленькую зарплату, – вступила в должность пресс-секретаря Риты и Малика. – Она там работала для того, чтобы предлагать покупателям свои книги! Их не особенно покупают, так как рекламы нет. У неё крутые, но нераскрученные стихи.

– Спасибо за комплимент, но ты идиотка! – вспылила Рита. – Моих стихов в магазинах нет! Я не издавалась и никогда нигде не публиковалась в печатном виде.

– Значит, идеи никакой не было? – изумилась Инга, качая тонкой голый ногой, закинутой на другую ногу с ногтями другого цвета. – Веттель всё врёт?

Рита вдруг заметила эту разницу в цвете – точнее, даже в оттенке красных ногтей. Поймав её взгляд, Инга раздражённо поджала ноги под стул и злобно скосила свои зелёные глазки на Малику, а та несколько смутилась. Но суть всей этой интриги для Риты так и осталась тайной, поскольку Ин-

га, предотвращая вопрос с её стороны, повторила свой:

– Веттель врёт?

– Нет, на этот раз он не врёт. Идея была. Я впаривала Цветаеву, Блока, Маркеса, Бродского и Есенина.

– Мандельштама, – ткнул палкой в гадюшник Веттель, бросая взгляд на Щеглова, который категорически расходился с Ритой в оценке не только Марьи Хуановны, но и Осипа Эмильевича. Компьютерный музыкант напрягся, даром что накурился даже и не до третьего уровня интеллектуального гуманизма. И неспроста его кулаки начали сжиматься, а щёки – слегка дрожать. Мандельштама Рита резко отвергла.

– Я его не люблю, – призналась она, – как и Гумилёва.

– А стоит ли так гордиться тем, что ты дура? – двинулся на неё в интеллектуальную атаку Щеглов. Рита не успела ответить, так как на кухню припёрся Сенька Блинов по прозвищу Блин. Классический гитарист. Он спросил у Риты, не принесла ли она водяры. Узнав, что не принесла, обругал всех матом, взял у Щеглова курева, позабыв спросить разрешения, и опять ушёл в свою комнату. Там была у него компания – аккордеонист Серёга и гуслияр Ромка, оба из Ипполитовки.

Тишка вдруг раскрыл пасть и задышал часто.

– Он хочет пить! – догадалась Инга и встала. Достав из раковины пустую тарелку, она её сполоснула и подала щенку воду в ней.

– Но это моя тарелка! – тоскливым басом проблеял дважды ограбленный музыкальный практик Щеглов, злобными

глазами следя, как Тишка лакает. – Это невежливо! Нужно было, по крайней мере, спросить!

– Ты, сука, не умничай, – широко зевая, сказала Рита. – Лучше ответь, как с помощью интернета быстро и точно сделать перевод текста на диктофонной записи?

– Дура! Через Яндекс-транслейтор! – с радостью оторвался от мрачных мыслей Щеглов. – Или через Гугл.

– Сам ты дебил! Язык очень древний. Не знаю даже, какой. Ни Яндекс, ни Гугл его не переведут.

– Включи, я послушаю.

– Лучше вот посмотри русскую транскрипцию.

Вытащив из кармана сложенный вдвое лист со словами, составленными из букв русского алфавита, Рита вручила его Щеглову. Тот развернул. На его лице возникла сосредоточенность.

– Любопытно!

Все поднялись, подошли взглянуть. И молчали долго.

– Это средневековой арамейский, – прервала, наконец, молчание Малика, утерев рукавом хлюпающий нос. Щеглов раздражённо скосил на неё глаза.

– Ты-то почём знаешь?

– Я много раз смотрела «Страсти Христовы»! Он ведь на арамейском, с субтитрами. Это – тот же самый язык.

– Так переведи, – предложил, садясь, Мишка Шильцер. Инга и Веттель также вернулись за стол, без большой надежды глядя на Малику.

– Нет, я не могу, – покраснела та, присаживаясь на корточки, чтобы погладить собаку. – Слов, которые я запомнила, нет на этом листочке. Но в фильме точно были слова, которые на нём есть!

– Да ты просто гонишь, – бросил Щеглов. – Хорошо, допустим, что ты права. Это – арамейский. Но почему именно средневековой арамейский? С чего ты это взяла?

– Наш преподаватель по философии был ещё и филологом. Инга, помнишь его? Он нам много раз говорил, что во времена Иисуса Христа использовался средневековой арамейский.

Вновь воцарилось молчание. Веттель медленно набивал косяк. Розовая Инга с кружащейся головой и ленивый Мишка с твёрдым, как скала, взглядом пытались что-то сказать друг другу глазами, и дело шло у них к пониманию. Тишка вдруг облизал курносый нос Малики. Та громко хихикнула.

– Если так, то надо зайти на форум лингвистов и скинуть им этот текст, пусть переведут, – дал совет Щеглов, вернув Рите лист. – Едва ли они откажутся.

– Так и сделаю.

Поднимаясь, Рита прибавила:

– Пойду к Клер.

Ответом был дружный хохот.

– Сходи, сходи к своей Клер, – проговорил Веттель, сделав затыжку до черноты в голубых глазах. – Она сейчас всё, пожалуй, переведёт тебе без лингвистов! Она сейчас хороша.

Всем стало ещё смешнее. Прежде чем выйти, Рита достала из холодильника полкило останкинской колбасы, купленной Щегловым, и отдала её Тишке. Щенок вполне благосклонно принял подарок.

Глава двенадцатая

Гребёж среди бела дня

Клер была самой настоящей француженкой. Парижанкой. Русский язык она в совершенстве знала благодаря родителям – знаменитым специалистам по русской литературе, истории и культуре. Они отправили дочь учиться в Москву, в прославленный театральный ВУЗ под названием Школа-студия МХАТ. Красивая девушка поступила с первого раза, однако через полгода приобщилась к великой русской культуре во всей её красоте – проще говоря, начала пить водочку. По душе ей также пришлись наркотики средней тяжести. За прогулы и аморальное поведение в конце третьего курса её из ВУЗа отчислили и погнали из общежития. Помотавшись месяц-другой без вида на жительство да с просроченной визой по чердакам, подвалам, вокзалам и чего только не предприняв, чтобы избежать депортации, двадцатипятилетняя парижанка примкнула к банде спасателей. Там она горячо подружилась с Ритой.

Клер была очень высока, тонка, длинноноса. Её лицо было злым. Но от этой злости слюнки текли не только у читатель-

ниц Сапфо, но даже у феминисток и доминантных самцов, которые по сравнению со столь мощным источником напряжения начинали чувствовать себя ангелами. Короткие юбки Клер ненавидела, и никто не мог этого понять. Даже полицейские ей твердили, что прятать такие ноги под длинной юбкой – это серьёзное уголовное преступление. Парижанка им отвечала, что если дама – не курица, ей противно, когда при взгляде на её бёдра кто-то облизывается. Клер умела играть на русской гитаре – на семиструнной, и петь французский шансон, а также романсы. Этим она порой занималась возле метро, поставив рядом с собой какую-нибудь коробку для денег. Сотрудники МВД и Росгвардии начинали мешать ей только тогда, когда рядом с нею уже стояло человек двадцать.

– Пардон, мадемуазель, толпу больше трёх собирать нельзя, – вяло сообщали ей правоохранители. – Здесь не Франция. Зачехляй гитару, не то в момент посадим на самолёт!

– Эта штука так теперь называется? – усмехалась Клер. – Любопытно!

И, зачехлив гитару, шла она выпить рюмку, а затем – петь и играть в другом людном месте. Такая вот была Клер.

Завернув к ней в комнату, Рита обнаружила там, кроме самой Клер, двух её соседок – Маринку с Юлькой, а также Димку-татуировщика. Димке было семнадцать. На этот возраст его и воспринимали. Маринка, сидя перед столом, негромко брэнчала на своей домре. Она училась этому девять лет.

Вокалистка Юлька спала в халате на дальнем краю дивана, приткнувшись носом к стене. Ближний край дивана украсила собой Клер. Она неподвижно лежала на животе, круто выгнув спину. На ней была только кофточка. Опираясь на локти и вяло взмахивая ресницами, парижанка смотрела прямо перед собой. Глаза её были скучными, несмотря на близость к ней Димки. Впрочем, их близость была чисто деловая. Точнее сказать, почти. Вполне трезвый Димка, сидя на стуле перед диваном, старательно татуировал попу Клер красочным гербом Французской Республики. Этот герб должен был занять маленькую часть левой ягодицы около самой щели, чтоб под трусами было его не видно. Такой же участок правого полупопия занимал двуглавый орёл, которого Димка изобразил накануне. Этот орёл размером с воробушка, даже меньше, вид имел жалкий. Но горделивый.

Такой же вид имел Димка в комнате трёх девчонок. При всей своей поглощённости важным делом он находил иногда минутку для хулиганства, пользуясь тем, что длинные ноги обворожительной парижанки были слегка раскинуты. Его маленькая рука как бы невзначай проскальзывала туда, где её не ждали. Тогда бывшая студентка ругалась, взмахивая ногами. Маринка же, останавливая игру, строго восклицала:

– Вот идиот! Ни ума, ни стыда, ни совести!

– Но зато трёх этих полезных качеств у остальных здесь присутствующих – с избытком, – сказала Рита, войдя как раз в момент домогательства и прикрыв за собою дверь. – Как

дела, ребята?

– Идут на ладан, – быстро ответил Димка, опять берясь за работу. Он был дурак дураком, но всё же учился в художественном училище и умел играть в преферанс. Клер, повернув к Рите свой длинный нос и косо взглянув воспалённым глазом, спросила:

– Мадемуазель Марго, как вам моя задница?

– С такой задницей тебя, дура, вышвырнут из России и вряд ли пустят во Францию. Но гражданство Конго тебе дадут, если только Димка орла раскрасит под попугая.

– Я ни за что не стану орла раскрашивать, – наотрез отказался Димка. – За надругательство над орлом могут посадить!

Маринка заметила, что орёл расположен лишь на одной половинке жопы, а не на двух, поэтому надругательство невозможно. Клер не без пафоса рассмеялась, слегка качнув ягодицами. Димка очень смутился.

– Маринка, я в интернет зайду? – попросила Рита, садясь за стол, немалую часть которого занимал гудящий компьютер. – Мне срочно необходимо кое-что выяснить.

– Какой цвет? – поинтересовалась Клер.

– Ты о чём? – не поняла Рита, бойко замолотив по клавиатуре.

– О выделениях!

– Да отстань ты, мерзотина!

Пока Рита, зайдя на форум лингвистов, скидывала им

текст диктофонной записи, а Маринка играла вальс «Дунайские волны», Димка работу свою окончил. Клер, услышав об этом, была, казалось, шокирована.

– Дурак! – крикнула она, развратно вставая на четвереньки. – Семнадцать лет ему! Может, семьдесят? Если бы тебе вправду было семнадцать лет, то я бы уже пять раз забеременела!

– Тебе ещё рановато иметь детей, – заметила Рита, глядя на монитор. – Ты не обладаешь достаточной социальной ответственностью. Вот если тебе удастся хотя бы Тишку воспитать так, чтобы он не скололся, не спился и не скурился, сможешь подумать и о ребёнке. Кстати, откуда ты привела этого щенка?

– С выставки бездомных собак, которая каждый месяц проводится в Люблино, – ответила Клер и прыгнула на пол. Взяв со стола зажигалку и пачку «Мальборо», закурила. Потом, приблизившись к зеркалу на шкафу, круто повернулась к нему спиной, сделала наклон и довольно долго рассматривала плоды Димкиной работы. При этом она скептически поджимала губы, но по её лицу было видно, что ей всё нравится.

– Что, пойдёт? – важно спросил Димка, складывая в пакет свои инструменты и принадлежности.

– Да, нормально. Спасибо, Димочка.

Подойдя к висевшей на гвозде курточке, Клер со сдвинутыми бровями вынула из неё две купюры и протянула их Ди-

ме. Тот взял. Спросил:

– Почему так мало?

– Как это мало? Много!

– Ты что, совсем озверела? Мы договаривались за триста!

– Да это ты озверел, по-моему! Я вчера дала тебе двести, сегодня двести! Это уже грабёж среди бела дня!

– Но мы договаривались за триста!

– Димулечка, больше у меня нет! – прохныкала Клер, расставляя ноги. – Можешь меня теперь спереди немножко пощекотать, но только неглубоко!

Димка не замедлил воспользоваться заманчивым предложением. Клер чуть-чуть постонала, закатывая глаза, а потом сказала, что хватит, хорошего понемножку, и грубо вытолкала сопливого живописца за дверь, дав ему окурок, чтоб выбросил. Закрыв дверь, стала одеваться, вполголоса подпевая игре Маринки. Надев трусы, колготки и юбку почти до щиколоток, она со спины приблизилась к Рите и поглядела на монитор. Там был перевод. И Клер прочла громко:

– «Крылатый Странник – в вечной ночи, но с ним вечный свет милости моей, к которому не пристала скверна предательства. Пейте же со мной спасение те, кто не смог его получить до срока!» Что это, Ритка?

– Сука!

Этот почти истеричный крик заставил Маринку выронить медиатор, а Юльку – вздрогнуть, вскочить и вытаращить глаза. Во всей квартире все стихли, кроме щенка. Тот гром-

ко залаял и, прибежав, заскрёб в дверь когтями. Юлька впустила его. Тем временем, Рита убрала текст с экрана, сперва его сохранив в специально созданном файле, и обратилась к Клер, которая перед ней стояла с раскрытым ртом:

– Извини, пожалуйста! Но ты – тварь.

– Почему я тварь? – заорала Клер, взяв на руки Тишку, который начал вылизывать ей лицо. – Это что за новости?

– Я веду секретную переписку! – резко сказала Рита. – Какого чёрта ты рожу свою суёшь к монитору? Жить надоело?

– Ого! Да это угроза! – вспыхнула Клер и быстро поставила Тишку на пол. Маринка с Юлькой ещё быстрее к ней подошли, взяли её за руки и заставили сесть на стул. Клер затрепыхалась, пытаясь вывернуться.

– Сидеть! – приказала Юлька, которая отличалась жёсткостью. – И не дёргаться! А не то башку тебе откручу!

– Она угрожает! – пищала Клер, брызгая слюной. – Дайте её мне всего на одну секунду! Я в своём праве!

Рита, тем временем, забивала в поисковик: «Библия, спасение». Не сводя с монитора глаз, она возразила:

– Клер, у тебя на жопе – клеймо не только твоей свободолюбивой Родины, но и вечной вотчины Сталина. О каких правах ты смеешь вопить, коза? До полной неадекватности упоролась?

– Я за свои права буду убивать в аду и в раю! – верещала Клер. – Никто не заставит меня отречься от моих прав!

Именно за веру в этот красивый вздор Рита и ценила

страстную парижанку. Ей захотелось с ней помириться. Но в этот миг распахнулась дверь, и в комнату вошли парни, встревоженные свинячьим визгом – Веттель, Мишка и Блин. Прочие остались стоять за дверью.

– Ритка! Где ты, там драки, – заметил Блин, обводя глазами красные лица девушек. – По какой причине сцепились?

– Димку не поделили, – сказала Клер, мгновенно остыв. – Вы можете быть свободны, мсье! Здесь всё хорошо.

– Это так? – обратился Веттель с вопросом к Юльке. Та, подтвердив, отпустила Клер. Так же поступила Маринка. Она была очень зла на Риту. Действительно, Блинов прав: где она, там драки! Домру чуть не разбила из-за неё!

– Я ужас как голодна, – сказала Маринка, открыв свой шкаф, чтобы убрать домру. – И Тишку надо кормить. Кто со мной на кухню?

Клер поднялась, не глядя на Риту.

– Я.

– И я сейчас тоже лопну от голода, – заявила Юлька и села, чтобы надеть носки. Она разбиралась в нотах, тональностях и гармониях куда более основательно, чем в художественных аспектах русского языка. За это Щегол её недолюбливал, говоря, что из-за таких, как она, такие, как он и Сергей Есенин, вешаются.

Из комнаты, таким образом, вышли все, кроме одной Риты. И Тишку взяли с собой. И закрыли дверь. О большем нельзя было и мечтать. Радостно вздохнув, Рита закурила,

благо что на столе перед ней лежала полная пачка «Мальборо», и продолжила изучать вопрос, который её интересовал.

Клер вернулась в комнату незаметно, так как она была босиком, а системный блок на столе шумел как бульдозер. Лицо француженки было бледным и чрезвычайно глубокомысленным, потому что она хорошо затянулась с Ингой и Маликой. Точно так же, как четверть часа назад, она подошла к Рите со спины и, сдерживая дыхание, с любопытством уставилась на экран. К её любопытству немедленно примешалось сильное удивление. Рита переходила с сайта на сайт, читала историю за историей. Между её бровями пролегли две глубокие складки. Она курила уже четвёртую сигарету, гася окурки прямо о край стола.

Вскоре после Клер пришла Юлька. Стянув носочки, она опять легла спать. При этом воскликнула:

– Помирились? Умницы!

– А? Чего? – встрепелась Рита и повернула голову. Ей всё стало понятно. Юлька уже спала. Она засыпала молниеносно. Клер с наглой рожей стояла рядом и ухмылялась. Возобновлять скандал Рита посчитала бессмысленным. Её вдруг охватило сильное утомление. Захотелось спать. Ещё бы – третий час ночи! Кажется, эта дрянь успела разнюхать чересчур много. И чёрт бы с ней, пускай знает! Надо вызвать такси и ехать домой.

– Я сразу же поняла, что это – слова самого Иисуса Христа, – заявила Клер. – Кто, кроме Него, может говорить ко-

му-то о своей вечной милости, предлагая пить вместе с Ним спасение? Это ведь евангельская идея! Впрочем, цитата – не из Евангелия.

– Ты очень сообразительна и начитанна, – безучастно зевая, сказала Рита. Клер рассмеялась.

– Ведь у меня родители – культурологи! Они с детства меня натаскивали по всяким таким аспектам, включая Новый Завет. Я с тобой согласна – речь здесь идёт именно о ней! Да, о ней, о ней! Но что это за Крылатый Странник в вечной ночи? Я так и не догадалась. А ты?

– Я тоже не поняла.

– А где ты взяла эту диктофонную запись?

– Ты даже об этом знаешь?

– То, что знает Щеглов, немедленно узнаёт весь мир! – опять засмеялась Клер. – Ну, так откуда запись?

У Риты вдруг возникла идея. Одну секунду поколебавшись, она спросила:

– Клер, у тебя есть котёнок? Белый?

– Да, но совсем немножко, – также поколебавшись и поглядев на Юльку сказала Клер. – Тебе надо?

– Да.

– Ты уверена?

– Я устала, – тихо призналась Рита, чуть помолчав. – Я сильно устала. Мне очень нужен котёнок.

– Ну, будь по-твоему!

Через двадцать минут Рита уже чувствовала себя совсем

по-иному. К этому времени рядом с Юлькой спала Маринка, а между ними торчали уши щенка. Голоса на кухне не утихали. Парни там пили молотый кофе и источали дым различных сортов. Малика играла на скрипке, установив сурдинку, а Инга плакала, объяснившись по скайпу с другом. Было два сорок.

– Надо идти домой, – заявила Рита, вставая из-за стола. – Ты меня проводишь, мадам Клико?

– Я мадемуазель Дюшон, – улыбнулась Клер. – Разве ты поедешь не на такси? Метро ведь откроется в пять утра!

– Я отправлюсь домой пешком.

– А где ты теперь живёшь?

– На юго-востоке, в Выхино. Если вдруг метро откроется раньше, чем я дойду, то я им воспользуюсь.

– Хорошо, – немножко подумав, сказала Клер. – Я с тобой пройду, но недалеко. И прежде загляну к Веттелю. У него остались мои ботинки.

Какого чёрта ботинки Клер делали у Веттеля, Рита так и не поняла. Ей на это, впрочем, было плевать. Но она заметила, что от Веттеля вышла Клер сама не своя. Между тем, она пробыла там всего минуту и ни одного слова Веттель ей не сказал – он ведь находился вовсе не в комнате, а на кухне! Это была загадка.

– Что с тобой, Клер? – поинтересовалась Рита, когда они выходили в мёртвую тишину двора. Дождик уже стих, и с крыши не капало.

– Ничего, – отвечала Клер, – ничего. Я просто задумалась.

Её мысли были, казалось, очень печальны и глубоки. По чёрному небу тревожно плыли низкие облака. Противоестественная борьба города и ночи пугала их. Две пары изящных тоненьких каблучков стучали по Большой Спасской неодинаково: одна весело, а другая – вяло, подавленно. Дошагав до Садового, на котором поток машин значительно поредел, подруги свернули вправо.

– Давай, рассказывай, – предложила Клер. – Откуда у тебя запись?

– Это останется между нами? – спросила Рита.

– Клянусь.

И Рита, поверив, ей рассказала всё, что знала от Гамаюнова. Шли они очень быстро. К концу истории впереди виднелся залитый ярким светом мачтовых фонарей Павелецкий мост. Чёрная река, стиснутая гранитными берегами, была похожа на затаившуюся змею – так мрачно блестела её поверхность.

– Шарман! – воскликнула Клер, отбрасывая окурок. – В Страстную пятницу женщина, находясь в клинической смерти от сотрясения мозга и очень сильной кровопотери, действительно угодила в ад. Там был Иисус, который, как ты прочла час назад, спускался туда, чтобы говорить с мёртвыми.

– Но ведь Он это делал один-единственный раз – в ту самую пятницу, когда был распят на кресте! – возразила Ри-

та. – Нигде не сказано, что Христос спускается в ад перед каждой Пасхой. Или я что-то путаю?

– «Всё вернулось на круг, и распятый над кругом висел!» – улыбнулась Клер. – Муж тёти Марины был прав: Иисус – вне времени. Его смерть, как и Его жизнь, вечна!

Рита была ошеломлена.

– Муж тёти Марины? – пробормотала она. – Ты близко знакома с Мариной Влади, вдовой Высоцкого? Или бре- шешь?

– Я не брешу, – обиделась Клер. – Моя мать с ней квасит примерно так же, как мы с тобой! Она – моя крёстная, если я ничего не путаю. Но могу и напутать, мне ведь на это было плевать! Я не верю в Бога. То есть, не верила ещё десять минут назад! А теперь я знаю: Бог есть. И знаю, что сын Его – наш Спаситель!

Они уже входили на мост, река под которым сверху была похожа не на змею с яркой чешуёй, а на замедляющийся по- ток расплавленного свинца. Машин почти не было, ибо вре- мя приблизилось к четырём. Здания уснувшей столицы на- поминали дочерна выгоревшие пни, торчащие из серебряно- го тумана.

– Так Иисус – вне времени? – уточнила Рита, не без тру- да поспевая вверх по мосту за юной и длинноногой францу- женкой. – Значит, он...

– «Всё вернулось на круг, и распятый над кругом висел!» – повторила Клер строку из Высоцкого. – Гвозди до сих пор

рвут его ладони, и кровь его до сих пор течёт, и он до сих пор спускается в ад, где говорит с мёртвыми! И теперь ты знаешь, о чём.

– Не знаю! – вскричала Рита. – Что это за Крылатый Странник в вечной ночи? Откуда у него вечный свет милости Христа?

– Ты так и не поняла, кто этот Крылатый Странник? Правда не поняла?

Рита изумилась.

– Как будто ты поняла!

– Я – да.

– Тогда объясни! Кто этот Крылатый Странник? Ну, говори!

– Прости, не могу, – ответила Клер и остановилась. Остановилась и Рита. Они стояли на самой высокой точке моста. Всё вокруг сияло морем огней, подёрнутым предрассветной туманной дымкой. Клер очень пристально поглядела на Риту, затем – на город вокруг. И, одним прыжком взобравшись на парапет, шагнула вперёд.

Рита слишком ясно поняла взгляд подруги, чтобы не быть готовой к этому шагу. Одной секунды хватило ей для того, чтобы снять ботинки и куртку. Бросившись в реку с высоты пятого этажа, Рита ощутила такой свист ветра в ушах, что мелькнула мысль: уж не Соловей ли разбойник этот Крылатый Странник, к которому так ретиво ринулась Клер? Вода была, разумеется, не парным молоком – ещё бы, апрель! Ед-

ва сошёл лёд. Невольно вдохнув при соприкосновении с нею и чудом не захлебнувшись при погружении, Рита почувствовала во рту солёное. Разве море? Откуда соль? Много лет назад Рита занималась плаванием почти профессионально – потому джинсы и блузка, в которых она была, не сильно ей помешали. Вынырнув и одним рывком подняв на поверхность Клер, которая погружалась медленно, она сразу всё поняла. Несчастливая Клер ударилась о фанеру, пlyingшую по реке. Она выплывала из-под моста. Дьявол её знает, откуда она взялась! Из раны на голове у девушки текла кровь. Клер была без чувств. Это облегчало Рите задачу. Правой рукой она ухватила самоубийцу за капюшон, а левой стала грести к ближайшему берегу. Тот, конечно же, был отвесным, но вдалеке виднелся причал с чугунными столбиками по всем четырём углам и тяжёлой цепью на них. Над ним поднимались к набережной ступени гранитной лестницы.

Когда Рита выбралась на причал, выволокла Клер и перевернула её ничком, у неё самой в глазах всё вдруг задвоилось. От холода и невероятного истощения сил она, как и Клер, лишилась сознания.

Глава тринадцатая

Ирка сводит счёты

В хипстерском ресторанчике на Лубянке дела у Ирки шли хуже некуда. Белые, со смешными бантами туфли, которые

посчитала бы старомодными даже Анна Австрийская, продолжали терроризировать её нежные ноги. Никакие пластыри не могли уменьшить её страдания. Все попытки договориться с начальством, чтобы ходить в какой-нибудь другой обуви, неизменно оканчивались одним: не нравится – пошла вон. Вдобавок, рояль, на котором что только не играл очень неплохой музыкант, решили убрать, сочтя его слишком сильным уходом в ретро, и заменить электроникой. Панист, услышав об этом, сразу уволился. Но рояль всё ещё стоял. Стоять ему оставалось несколько дней, и Ирка теперь просто не могла взглянуть на него без слёз. Он ей очень нравился, хоть она к нему и не подходила.

Отпахав смену, в которую зазвучала новая музыка, а потом ещё отучившись, она пришла домой разъярённая. Квартирантка Рита, уже неделю лежавшая с воспалением лёгких, благодаря тяжёлому состоянию увильнула от её гнева. Но бедной Женьке, которая вместе с мальчиком из соседнего дома смотрела на ноутбуке фильм, досталось не по заслугам. Конечно, оба они валялись в одних трусах, ну и что такого? В шестнадцать лет надо в куклы, что ли, играть? Презики убрали, трусы надели – что, спрашивается, орать-то? Однако бедный мальчишка вылетел из квартиры ровно в том виде, в каком он был, а его одежда вылетела в окно. Этакое дело Женьке, понятно, не по душе пришлось. Грянул бой. Разни-мала Рита.

– Вы просто суки! – проговорила она, вылив на взбесив-

шихся идиоток ведро холодной воды и опять забравшись под одеяло. – Если вы ещё раз такое себе позволите, я начну искать другую квартиру! Ясно?

– Сука она, – проворчала Женька, ползая с тряпкой по полу. – Придолбалась на ровном месте! Я ей башку скоро оторву!

Старшая сестра, храня гордый вид, переодевалась. Напялив джинсы и водолазку с продраным рукавом, она обратилась к младшей с вопросом, кто сейчас дома у Гамаюновых.

– А я знаю? – взорвалась младшая. – Сунь туда помойное своё рыло и посмотри!

– Мне нужен фотограф с аппаратурой профессионального уровня, – продолжала Ирка, не опускаясь до перебранки со своим жалким подобием. – А Наташкин парень – ну, этот, новый... кажется, Феликс его зовут – именно фотограф. Не у неё ли он пребывает в данный момент?

– Я пока ещё недостаточно морду тебе набила, чтоб её фоткать! – не шла на мир юная развратница. – Отвали!

Тут опять раздался слабый голосок Риты.

– Ирка, Наташа двадцать минут назад сюда заходила – просила штопор, чтобы открыть бутылочку, – сообщила она. – Фотограф сейчас, наверное, с ней. Если ты не хочешь разрушить ещё одну эротическую идиллию, тебе лучше поторопиться.

Сочтя этот совет мудрым, Ирка надела шлёпанцы и помчалась к двери. Уже открыв её, спохватилась:

– Риточка, как твоё самочувствие? Тебе Женька купила швейцарский антибиотик, который Виктор Васильевич посоветовал?

– Я его уже ей вколола, – нанесла Женька своей сестрице самый страшный удар, на который только была способна её фантазия. – Внутривенно!

Однако Ирка, узнав, что её сестра не тупица, в злобных конвульсиях не забилась, а понеслась во весь дух к соседям. Стала звонить. Открыла Наташа – к счастью, ещё одетая.

– Натали, мне нужен твой Феликс! – вскричала Ирка после обмена приветствиями. – Он, случайно, не здесь?

– Он здесь. Зачем он тебе?

– Я хочу, чтобы он заморочился на часок моими ногами!

Наташа дверь не захлопнула, потому что знала Ирку великолепно. Когда студентка консерватории волновалась, то становилась во всём похожей на свою младшую сестру Женьку, которая не всегда выражала словами именно то, что пыталась выразить. С Ирккой явно происходило какое-то сумасшествие, это было очень заметно. Пользуясь тем, что Дуньки и отца с матерью дома нет, Наташа втащила свою соседку на кухню, где сидел Феликс, и предложила ей сформулировать свою мысль как-нибудь яснее. Тут же и выяснилось, что Ирка намерена разместить в соцсетях фотографии своих голых ступней, до крови натёртых скверными туфлями, чтобы сделать подлому ресторану антирекламу – смотрите, мол, до чего там доводят официанток!

– Но ведь тебя мгновенно уволят, – заметил Феликс, очень приятный парень лет двадцати четырёх. – Ты этого добиваешься?

– Нет, конечно! Зачем мне это? Я ведь могу уволиться и сама, что скоро и сделаю! Мне работать там невозможно. Они сознательно портят всё, что делает меня мной, начиная с ног и кончая музыкой! Зло должно быть наказано. Фотографии наберут пару миллионов просмотров – если, конечно, будут иметь высокое качество и идейную обоснованность. Вот для этого нужен ты.

– Пару миллионов просмотров? – переспросила Наташа с огромным скепсисом. – С какой стати?

– Больше, – вдруг сказал Феликс, сделав глоток красного вина. – Она ведь похожа на Анжелику Варум! Кошмарно похожа. Эротика в таком образе привлечёт большое внимание. Я сниму на айфон, но сниму, как надо. Ты интернет взорвёшь!

– Никакой эротики! – праведно замотала головой Ирка. – Я догола раздеваться не собираюсь!

– Этого и не требуется. Браслетик можно оставить.

Это была, конечно же, шутка. Ирка смотрелась достаточно эротично даже в потёртых джинсах и водолазке с порванным рукавом. Пройдясь по квартире, Феликс велел Наташе убрать предметы с письменного стола в её комнате и красиво расположил на нём Ирку, снявшую обувь. Ирка уселась боком к окну, другим боком к камере, повернув лохматую

голову, чтобы взгляд устремлён был немного искоса в объектив. При этом правую ногу она согнула, обхватив голень сцепленными руками, а левую под неё подсунула, чтобы продемонстрировать нижнюю сторону своей маленькой и изящной ступни.

– Да она заклеена у тебя! – вскричала Наташа и, подойдя, содрала с ноги Ирки пластыри. Ирка ойкнула. Присмотревшись к её стопе, Наташа признала, что так и есть, натёртости впечатляют. И отошла.

– Сделай взгляд надменным, как будто смотришь из «Мерседеса», – распорядился Феликс, готовясь фотографировать. – Нет, агрессию убери! Вспомни «Незнакомку» Крамского. Приподними подбородок! Вот так, отлично.

– Да, ничего! Но надо ведь показать и вторую ногу, – сказала Ирка, когда ей дали взглянуть на готовый снимок в айфоне. – Теперь другим боком сесть?

– Да, но сядь лучше по-турецки. Ага, вот так! Наташа, отдери пластыри!

Третий снимок был со спины, с повёрнутой профилем головой и попой на пятках. А для четвертого снимка Ирка легла на живот, уткнув подбородок в приподнятые ладони и согнув ноги в коленях так, что обе её подошвы с кровоподтёками оказались выше растрёпанной головы. Как раз в такой позе её и застали Дунька, Виктор Васильевич и Елена Антоновна, возвратившиеся из долгой поездки в торговый центр, где они покупали Дуньке всякие вещи для заграницы. Ирка

смугилась невероятно. Но когда Феликс с Наташей всё объяснили, она краснеть прекратила, так как вошедшим стало смешно. Спрыгнув со стола, Ирка вознамерилась прошмыгнуть между Виктором Васильевичем и Дунькой. Но Гамаюнов вдруг задержал её.

– Как там Рита?

– Я думаю, хорошо, – ответила Ирка. – Женька ей уколола антибиотик, который вы порекомендовали.

– Женька? – напрягся Виктор Васильевич. – Тогда вряд ли всё хорошо! А впрочем, посмотрим. Передай Рите, что я сегодня заглядывал в неврологию, где её подруга лежит с травмой головы. Она уже ходит.

– Кто, голова? – не очень смешно пошутила Ирка. – Или подруга?

– Обе. Но иногда – по разным маршрутам.

Дунька с Наташей заржали так, что матери сделалось за них стыдно.

– Витя, что ты несёшь? – крикнула Елена Антоновна. – Ты ведь врач!

– Да шучу, шучу! Не всё так кошмарно. Потеря памяти минимальная.

– Преогромное вам спасибо, Виктор Васильевич, я всё Риточке передам, – заверила Ирка и убежала, забыв про шлёпанцы. Ей пришлось за ними вернуться.

Наташа тут же ей скинула фотографии на Ватсап, и она их выложила везде, где только было возможно, снабдив по-

дробными объяснениями, откуда взялись на её ступнях кровавые раны. Женьки в квартире не было. Вероятно, она отправилась утешать своего приятеля. Рита тихо спала, завернувшись в толстое одеяло. Даже под ним её бил озноб. Легла спать и Ирка. Но вскоре ей пришлось встать, потому что к Рите вдруг заявила её подруга – очень красивая молодая блондинка Света, работавшая судебным секретарём. Ещё у неё был маленький бизнес, а также съёмки в голом и полуголом виде для «Космополитен» и других глянцевого журналов. После того, как она поболтала с Ритой и приготовила ей эквадорский кофе, Ирка с ней поделилась своей воплощённой уже идеей по поводу размещения фотографий. Свете эта идея очень понравилась.

– Молодец, – сказала она. – А они – ублюдки! Я ненавижу тех, кто людям мешает жить, навязывая дурацкие правила. Вот такие мрази приделали всей стране вместо головы телевизора, и она рада! Я из-за них потеряла всё!

– Потеряла всё? – удивлённо переспросила Ирка. – Что же у тебя было кроме того, что осталось?

– Ирочка! У меня была вещь, которая стоит невероятно дорого, но продать которую можно только за три копейки. Ты догадалась, что это?

– Нет, – со стыдом ответила Ирка после минутного напряжения всех ресурсов своего мозга.

– Да это не что иное, как чувство собственного достоинства.

Выпив с Иркочкой по рюмочке коньяка, Света удалилась, похрюкивая ключами от «Мерседеса». На смену ей притащилась Женюха, пьяная в хлам. С большим наслаждением дав ей в рыло, на что никакой реакции не последовало, студентка консерватории вновь направилась спать, надеясь на то, что Женюха уснёт под столом на кухне, куда она завалилась.

И Ирка не просыпалась десять часов. Её младшая сестрёнка припёрлась и легла рядом только под утро. В семь сорок пять Ирка погнала её в колледж, хоть это было чистой воды садизмом. Справиться с шестнадцатилетней кобылой помог шантаж. Старшая сестра пригрозила, что если та не пойдёт учиться, то холодильник будет заперт на ключ – приделать к нему замок проблемы никакой нет. Угроза сработала.

А у Ирки день был свободный. В одиннадцатом часу ей вдруг позвонили из ресторана. Это был менеджер по работе с сотрудниками.

– Завтра у тебя последняя смена, – сообщил он. Ирка поперхнулась горячим кофе.

– Как? Почему? Я чем-то проштрафилась?

– Завтра у тебя последняя смена, – повторил менеджер и ушёл со связи. Не допив кофе, Ирка уселась за ноутбук. Всё стало понятно сразу же. Ресторан, в котором она работала, за ночь стал знаменитым на всю страну. Несколько сот тысяч интернет-пользователей запальчиво обсуждали её ступни, натёртые туфлями. Тогда Ирка ринулась к Рите. Та не спала. Курила, лёжа в постели.

– Как самочувствие? – первым делом осведомилась Ирка.

– Получше. Чего тебе?

Ирка рассказала всё в двух словах. Её рассказ вызвал глубокое недоверие и иронию.

– Пошла вон! Я тебе что, Женька – вешать мне лапшу на уши?

Пришлось сбежать за ноутбуком и чашкой кофе, которую попросила Рита.

– Мать твою в жопу! – вздохнула та, пройдясь по рунету и осознав, что Ирка не брешет. – Зачем ты всё это сделала? Дура, что ли?

– Они меня задолбали!

– Так чем же ты сейчас недовольна, Ирочка?

– Всем!!!

Рита поняла. Выпроводив Ирку вместе с её ноутбуком, она спокойно допила кофе, после чего взяла телефон и набрала Танечке Шельгенгауэр. Но у той был эфир. Она позволила Рите через пятнадцать минут.

– Дроздова, привет! Как ты себя чувствуешь?

– Как акула, вытащенная на берег. Хочется всех сожрать, но как-то уж очень трудно пошевелиться.

Танечка засмеялась. Она, судя по всему, курила на лестнице.

– А вторая акула как?

– У неё, по словам врачей, провал в памяти. Кто она – понимает, и где находится – понимает, и где живёт – понима-

ет, и почему она там живёт – тоже понимает, а вот почему прыгнула с моста – вообще не в курсах!

– Серьёзно?

– Да. Говорит – не помню, и всё, хоть режьте!

– Какой у неё диагноз?

– Да самый обыкновенный. Частичная амнезия от сотрясения мозга.

Кто-то с Танечкой поздоровался, и она пискляво ответила. Потом вновь обратилась к Рите:

– А ты догадываешься, почему она прыгнула с моста?

– Танюха! У тебя тоже частичная амнезия? Я ведь тебе сто раз говорила: нет!

– Но ты ведь всё время об этом думаешь! Версий двадцать, наверное, уже есть?

– Танька, никакие версии невозможны, пока я не догадаюсь, кто такой этот Крылатый Странник, несущий свет милости Христа. А как только догадаюсь – наверное, утоплюсь. Ведь Верка и Клер каким-то образом поняли, кто он! Не знаю, как, но сообразили!

– Так значит, ты продолжаешь думать, что у тебя есть подлинный голос Христа в аду? – помолчав, спросила корреспондентка.

– Таня! Ты – иудейка, поэтому тебе сложно в это поверить. Но сопоставь все факты. Да, Иисус три дня, от смерти до воскрешения, был в аду, потому что взял на себя грехи всех людей. В Писании говорится: «И мёртвым, сшед, пропове-

довал». В аду, мёртвым! Кому, как не Иисусу, могут принадлежать такие две фразы: «Крылатый Странник – в вечной ночи, но с ним вечный свет милости моей, к которому не пристала скверна предательства. Пейте же со мной спасение те, кто не смог его получить до срока!» Символ спасения – кровь Христа, которую пьют в момент причащения. Иисус причащался вместе с апостолами из чаши, которую называют святым Граалем. Иуда также пил из неё, но к ней не пристала скверна предательства, ибо кровь Христа очищает всё! И Клер намекала мне на Грааль, прежде чем пошла за ботинками. Я нисколько не сомневаюсь, что речь идёт о Христе и святом Граале.

– Который вдруг оказался в руках какого-то странника? – перебила Танечка. – Что за бред? При чём здесь Крылатый Странник? И почему Иисус об этом рассказывает в аду?

– Именно над этим я и ломаю башку! – простонала Рита. – Танька, ты шардишь даже и в Новом Завете гораздо лучше меня, хоть я – христианка. По крайней мере, меня во что-то там окунали, когда я маленькая была. О чём Иисус мог говорить с мёртвыми? Есть какие-нибудь вменяемые идеи на этот счёт? Всё, что в интернете – неубедительно!

– Я ни разу не углублялась в этот вопрос, – призналась корреспондентка. – Но я пороюсь, поспрашиваю. Вот чёрт! Ты меня всё-таки втянула в эту бредятину! Представляешь?

– Танечка, у меня к тебе ещё одно дело есть, – заспешила Рита, почувствовав, что её подруге опять пора возвращаться

в студию. – Я не знаю, как помочь Ирке. Её хотят...

– Риточка! Плевать мне, кто твою Ирку хочет, – зло перебила Таня, уже стуча каблучками по коридору. – Но если дело серьёзное, напиши. Через полчаса прочитаю.

Глава четырнадцатая

Мурка

На другой день, уже поздним вечером, в ресторан «Провокация» на Кузнецком мосту вошли три персоны, вызвавшие огромный интерес персонала и посетителей. Почти все схватили мобильники, и защёлкали фотокамеры. Некоторые попытались даже сфотографироваться с тремя знаменитостями, но те отвергли эту затею очень решительно. Это были скандальный разоблачитель коррупции Алексей Новальный и две известные журналистки, его приятельницы. Одну из них звали Танечка Шельгенгауэр, а вторую – Ксения. Отец Ксении был умнейшим и благороднейшим человеком. Дочка унаследовала от него строение нижней челюсти. Когда дама-администратор, похожая на красивого робота, проводила троицу к столику вдалеке от танцпола, ей пришлось стать похожей на человека, так как со стороны гостей прозвучал слишком сложный для электронного интеллекта вопрос. Усевшись за стол, они поинтересовались, где провокация. На попытку дамы понять, чего от неё хотят, гости объяснили, что ресторан должен соответствовать своему назва-

нию, а на это даже намёка нет! Всё очень стандартно, как и везде – скачущий диджей за вертушкой сводит треки дабстепа, а молодёжь пляшет на танцполе под дудку моды и времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.